

Иван Крепостной

Последний герой.

Как бы quest, а возможно даже action-adventure.

ГПМВЭР

Действующие лица:

СТАРИК
СТАРУХА
КОМИССАР
ПЕРВЫЙ БОЕЦ
ВТОРОЙ БОЕЦ
МЕДСЕСТРА
ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ
ЦЕНТУРИОН
ПЕРВЫЙ ЛЕГИОНЕР (он же ВТОРОЙ ГОЛОС)
ВТОРОЙ ЛЕГИОНЕР
ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР (он же ПЕРВЫЙ ГОЛОС)
ЛЕГИОНЕРША
СЛЕДОВАТЕЛЬ
А также два безмолвных алкоголика.

ПРОЛОГ

Задворки заштатного микрорайона. СТАРИК пытается поднять из грязной лужи до невменяемости пьяного человека. Еще один алкоголик скрючился на скамейке.

СТАРИК. Поднимайся! Вставай, я приказываю. Здесь ты не останешься. Пожалей мать, ты её в могилу сведешь.

Появляются две мужские фигуры, наблюдают из темноты.

СТАРИК. Будь ты проклят вместе со своими алкашами. Встать, я тебе приказываю! Где шапка? Ты в новой шапке уходил. Уже посеял? Господи, на что куртка похожа? Сам обблевался или этот дружок помог? А рукав где? Как вас земля носит! Вставай, вставай, чудовище!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Вам помочь?

СТАРИК. Спасибо, молодые люди, я как-нибудь сам справлюсь. Это мой крест... Сам как-нибудь. Спасибо, ребята.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. А нам кажется, мы просто обязаны вам помочь.

Щелкают раскладные ножи, СТАРИК от неожиданности опускает пьяного на землю. Незнакомцы выходят из тени, на головах – балаклавы.

СТАРИК. Вы что?.. Вы кто?.. Что вы собираетесь...

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Помочь вам.

СТАРИК. Не нужно... Мне не нужно... Я сам справлюсь.

ВТОРОЙ ГОЛОС. У нас получится качественней и быстрее... *(Подходят ближе.)* Мы специализируемся на таких делах...

СТАРИК. Молодые люди, так не пойдёт. У него ничего нет, у него пустые карманы, он из дома последнее тащит... Я вас уверяю, я это знаю...

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Нас не интересует содержимое его карманов.

СТАРИК. Тогда что вам нужно?

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Для начала – чтобы вы отошли. Подальше. Очень далеко.

СТАРИК. Я его не оставлю.

ВТОРОЙ ГОЛОС. Отвали отсюда, дед. Брось этих уродов, топай, куда шел, и не оборачивайся.

СТАРИК. Что вы собираетесь...

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Сделать мир немного чище.

ВТОРОЙ ГОЛОС. Чтобы было понятней, скажу на чистом русском – старый, пошёл ты...

ПЕРВЫЙ ГОЛОС *(прерывает)*. Грубовато мой коллега выражается, но афористично и предельно точно. Я с ним солидарен.

СТАРИК. Предупреждаю: я буду защищаться.

ВТОРОЙ ГОЛОС. Защищаться? Сколько тебе лет, защитник? И чем?

СТАРИК хватается палку.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Очень смешно...

ВТОРОЙ ГОЛОС. Дать ему в бубен?

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Жалко старикашку. Попробую ему по-быструхе кое-что объяснить.

ВТОРОЙ ГОЛОС. Чего ты усложняешь? Дообъясняешь когда-нибудь на свою жопу.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Не удобно драться с представителем уходящей натуры.

ВТОРОЙ ГОЛОС. Две минуты тебе на симпозиум. Не отвалит – сразу в бубен! Я на шухере.

(Отходит.)

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Ответьте на такой вопрос, уважаемый человеколюб: какой основной вид досуга у большинства представителей двуногих?

СТАРИК. Уходите, оставьте нас. Я умоляю.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Только без лирики, без лирики! Отвечу за вас – табак и алкоголь. И это не правильная жизнь. Вы жалеете алкоголиков и бомжей?

СТАРИК. Я не оставлю его.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. А я их ненавижу. Они не достойны жизни. Она им не нужна, они её не ценят. Они и не живут, собственно. Разве это жизнь? – Посмотрите на это дерьмо собачье. Их нужно смести с улиц наших городов. Улицы станут чище и жизнь станет чище. Мною движет любовь к своей стране.

СТАРИК. Любовь – это сострадание и сочувствие к человеку.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Это вот эти-то – человеки? Они – бомжи, они – биомусор.

СТАРИК. Он – не бомж. Он алкоголик, его нужно лечить.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Я вижу, меня не хотят понять. Отойди, дед. Мы их вылечим. Прямо здесь и начнём. И поверь, мы их быстро вылечим.

ВТОРОЙ ГОЛОС *(вернулся)*. Симпозиум не удался? Слушай мои тезисы, дедок. Очень краткие: Первый: «Молоток вместо подачек и милостыни!» Второй: «Помоги биомусору сдохнуть!» И последний: «Старое, доброе ультра-насилие спасет загнивающий мир».

(Выхватывает у СТАРИКУ палку, ломает её об колено). Вали отсюда, пердун старый! Пост сдан!.. Не боится. Ты смотри, какой упартый!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Хрен с ним, с этим ёб...тым, пусть глазеет. Хоть перед смертью прикоснётся к суровой правде жизни. *(Отталкивает СТАРИКА в сторону. Смотрит на лежащего.)* Жалко нож марать об эту падаль. *(Достаёт из сумки молоток.)*

СТАРИК. Отойдите от них, подонки.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Закрой рот и смотри внимательно, раз напросился. Процесс хоть и грязный, но весьма поучительный.

СТАРИК. Последний раз предупреждаю.

ВТОРОЙ ГОЛОС. Пошел ты... *(Поднимает молоток над головой лежащего на скамейке.)*

Раздаётся выстрел. Нападающие остолбевают.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Это что было? *(СТАРИК выходит на свет с пистолетом Макарова в руке)*. Ты чего вытворяешь, урод старый?

СТАРИК. Считаю до трёх. На счёт три – стреляю на поражение. Раз!

ВТОРОЙ ГОЛОС. Аху...ть!

СТАРИК. Два!

ВТОРОЙ ГОЛОС. Я пошел... быстрыми шагами... *(Срывается с места.)*

СТАРИК. Два с половиной не будет.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Мы еще встретимся, урод старый, мы еще встретимся... Хорошо запомни мой голос. *(Срывает с головы балаклаву).* И лицо моё запомни... *(Светит себе в лицо фонариком.)* Хорошо запомни...

СТАРИК. Три!

Обладатель ПЕРВОГО ГОЛОСА срывается с места. Старик устало опускает пистолет. Слышен приближающийся вой сирены.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ СЦЕНА 1

Мрачное, уходящее в полумрак пространство, соединяющее в себе одновременно казарму, оружейную комнату, столовую и ленинскую комнату давно заброшенной советской воинской части. СТАРУХА сидит на деревянном откидном стуле (такие счетверённые раньше стояли в кинотеатрах), укутанная несколькими солдатскими одеялами и смотрит в мутное стекло никогда не мытого окна. Заходит СТАРИК. СТАРУХА (не оборачиваясь). Что приволок?

Молчание.

СТАРУХА. Понятно. Игра в молчанку продолжается.

Старик бросает на пол грязный полиэтиленовый пакет.

СТАРУХА. Господи, как мне это надоело! Что на сей раз? Кошка? Собака?

Старик выбрасывает из пакета маленький труп какого-то животного.

СТАРУХА. Слава Богу, хоть не крыса... Не мышонок, не лягушка, а неведома зверюшка... Ондатра, что ли? Или выхухоль?

Молчание.

СТАРУХА. Может, на рыбалку пора переключиться. Рыба, говорят, полезнее в твоём возрасте... Воды в шахтах много, можно запустить мальков карпа... Или толстолобика... Понятно, по-прежнему молчим, значит... Ну, молчи, партизан, молчи...

СТАРИК уходит, громко хлопнув дверью. СТАРУХА отворачивается к окну и накрывается еще одним одеялом. Через некоторое время доносятся глухие удары – СТАРИК рубит дрова. СТАРУХА натягивает одеяло на голову, некоторое время терпит. Потом встаёт.

СТАРУХА. Тьфу! Дурак старый... *(Начинает разжигать огонь в печке-буржуйке, спички долго не зажигаются.)*

СТАРИК возвращается, бросает на пол охапку дров, некоторое время смотрит на возню со спичками, забирает коробок у СТАРУХИ и быстро разводит огонь.

СТАРУХА. Воды нет.

СТАРИК приносит ведро воды, со стуком ставит на пол.

СТАРУХА. Картошка закончилась.

СТАРИК приносит ведро картошки, со стуком ставит на пол, садится у буржуйки. Продолжительное МОЛЧАНИЕ. Ничего не происходит.

СТАРУХА. Я этот труп потрошить не собираюсь, хватит, напотрошилась, нажралась твоей свежины, из ушей лезет. Я патологоанатомом сюда не нанималась. Каждый день кого-нибудь тащит! Тащит и тащит, тащит и тащит! Господи, как я, старая дура, дала себя уговорить! Сидела бы себе сейчас на балконе, вязала... *(Несколько раз тухнет и загорается под потолком тусклая лампочка.)* Во! – Опять кто-то попался! Кто на новенького? У, изверг рода человеческого! Живодёр!

СТАРИК распахивает форточку и швыряет тушку наружу.

СТАРУХА. Во-во-во, давай! Давненько мы сволочной характер не показывали! Начинайте представление, товарищ полковник! Жаль, зрителей нет! Покажите, как вы умеете муштровать баб! Ать-два, левой! Ать-два, правой!

СТАРИК с таким остервенением хлопает форточкой, что стекло разлетается вдребезги. СТАРУХА мгновенно замолкает. СТАРИК вставляет в старый магнитофон кассету. Звучит "Марш советских ракетчиков" Матвея Блантера.

*Мы стране Советской служим,
Мы с оружием нашим дружим,
То оружие от бывшего
Отличается.
Никого мы не пугаем,
Но запомнить предлагаем:
Кто пойдет на нас войною,
Тот раскается!
Припев:
Мы - ракетные войска,
Нам любая цель близка!
Наши меткие ракеты,
Наши мощные ракеты,
Безотказные ракеты
Грозно смотрят в облака...*

СТАРУХА садится чистить картошку. СТАРИК отрывает фанерную крышку от старого почтового ящика и заколачивает ею форточку. Потом развязывает солдатский вещмешок и кладет на стол какую-то железную коробку. Песня заканчивается, магнитофон автоматически отключается. СТАРИК смотрит на коробку.

СТАРИК. Та самая кнопка... (*СТАРУХА не реагирует.*) Перед нажатием нужно было повернуть ещё ключ... (*СТАРУХА не реагирует.*) Одновременно это же должен сделать офицер за соседним пультом...

СТАРУХА продолжает чистить картошку. СТАРИК уходит в дальний угол, копается там, чем-то гремит, возвращается с бутылкой водки. Наливает в чашку, задумывается. Находит железную армейскую кружку, протирает кое-как, переливает водку в кружку, выпивает. МОЛЧАНИЕ.

СТАРИК (*щёлкает несколько раз кнопкой*). Щёлк – и пороховые заряды отбрасывают вверх стодвадцатитонные крышки ракетных шахт, ракеты выбрасываются вверх, запускаются маршевые двигатели... (*Выпивает еще водки. МОЛЧАНИЕ.*) Щёлк – и десять ракет по пятьсот пятьдесят килотонн летят в Америку. (*Наливает еще водки.*)

СТАРУХА (*ядовито*). Очень познавательная лекция. Столько нового узнала! От всей души благодарю. В следующий раз притащите сюда и саму ракету, любопытно было бы взглянуть. Это же надо! – Пятьсот килотонн!

СТАРИК. Пятьсот пятьдесят. (*Выпивает.*)

СТАРУХА. Приятного аппетита, товарищ лектор! (*Взрывается.*) Чтоб ты подавился своей водкой и подох! На подсолнечное масло у него денег нет, а на водку – пожалуйста! И не лень же в сельпо переться было! И ноги перестали болеть, и давление не скачет, и сердце не колет! Чего удивляться на сына, если папаша...

СТАРИК открывает навесной замок на железном шкафу и вынимает завернутое в холстину охотничье ружьё. СТАРУХА замолкает. СТАРИК идет к дальней стене, включает там свет, становятся видны черно-белые фотографии – портреты членов политбюро ЦК КПСС времён заката СССР. СТАРУХА отработанным движением закрывает уши защитными строительными наушниками. СТАРИК начинает методично

расстреливать портреты. Особенно достается портретам Горбачева и Ельцина. Насытившись процессом, СТАРИК с удовольствием пересчитывает отверстия от пуль. СТАРИК. Сегодня Горбатый победил: семь – шесть в его пользу. *(Щёлкает по носу Ельцина.)* Борис, ты снова не прав, сука! *(Протирает носовым платком нетронутый пулями портрет маршала Гречко.)* Повезло вам, товарищ маршал Советского Союза, что рано копыта откинули, а то бы увидели, бя... широко страну мою родную... *(СТАРУХЕ.)* Будем мы сегодня жрать, в конце концов?

СЦЕНА 2

СТАРИКИ сидят за длинным столом, когда служившим обеденным в солдатской столовой, и едят пустую вареную картошку.

СТАРИК. Завтра схожу в деревню за маслом.

МОЛЧАНИЕ.

СТАРИК. Ну, забыл.

МОЛЧАНИЕ.

СТАРИК. Что-нибудь еще нужно?

МОЛЧАНИЕ. СТАРИК наливает себе немного водки.

СТАРУХА. Мне капни на донышко, может хоть сегодня засну.

Выпивают. МОЛЧАНИЕ.

СТАРУХА. Может, всё-таки, вернёмся?..

СТАРИК. Опять начинается!

СТАРУХА. Как он там, интересно?

СТАРИК. А вот его совершенно не волнует, где мы и как нам, ему интересно в обнимку со стаканом.

СТАРУХА. Кто бы говорил!

СТАРИК. Уж раз в месяц нельзя пять капель! Ты вообще знаешь, какой сегодня праздник?

СТАРУХА. Раз пять капель, значит «праздник запрятанной бутылки».

СТАРИК. День рождения вьетнамских ракетно-зенитных войск.

СТАРУХА. Очень смешно.

СТАРИК. Вот те крест! 21-го июня 65-го года подполковник Федор Ильиных одной ракетой сбил над Вьетнамом три американских самолета.

СТАРУХА. Сколько хряпнул втихаря, сказочник?

СТАРИК. Я Федю лично знал. Его ракета попала в самолет ведущего, а на хвосте плотно сидели два ведомых. От разлетевшихся кусков первого самолёта погибли и остальные.

СТАРУХА. Вся голова седая, а в голове – одна войнушка, одна войнушка... Двадцать первого, говоришь? Июня, говоришь? Ничего не путаешь?

СТАРИК. Лично министр обороны Советского Союза отослал ему ящик отборного армянского коньяка, а каждому офицеру и солдату дивизиона – по бутылке водки и бутылке шампанского...

СТАРУХА. Щедрые и душевные были когда-то министры. И сколько солдат в дивизионе?

МОЛЧАНИЕ.

СТАРУХА *(всё о своём)*. Может ему сейчас плохо? Кто ему стирает, готовит?

СТАРИК. Не маленький, хоть на старости лет научится, сынок маменькин...

СТАРУХА. Маменькин, не маменькин, а всё равно – сын...

СТАРИК *(раздражается)*. Ему чего-то недодали? Как сыр в масле катался – в иняз протолкнули, на теплое местечко пристроили. Полжизни из заграниц не вылезал: здесь оклад, там валюта капала. А чем его жена не устроила? – Не принцесса оказалась? – А он что, принц на белом коне? Да ей памятник нужно поставить, за то, что столько лет его, дурака, терпела.

Двоих девчонок бросить! – Это что за отец такой! Слава Богу, как-то выросли без его помощи, встали на ноги. Но квартиру профукать! Двухкомнатную квартиру! – Этого я понять не могу. СТАРУХА. Были тяжелые времена, перестройка – будь она проклята, бандитизм всякий развёлся, вляпался в долги с проклятым бизнесом.

СТАРИК. Вляпывайся ты во что хочешь, но за жилье держись! Не та страна, где можно квартирами разбрасываться. Бизнесмен хренов, просрал всё и сел на голову папе с мамой – кормите меня, недоросля перепенсионного.

СТАРУХА. Предпенсионного.

СТАРИК. А я что говорю?

СТАРУХА. Понятно, уже «поплыл».

СТАРИК. А мы и распахнули ворота пошире – заходи, кровинушка родная, располагайся.

СТАРУХА. Сын ведь родной...

СТАРИК. Кормите меня, ханурика несчастного-убогого, семью, работу и жизнь просравшего!

СТАРУХА. Сын ведь...

СТАРИК. Он что, инвалид безрукий-безногий? Пусть идёт улицы подметает! Но нет, мы аристократы, антелихенты, мы к чёрной работе не приспособлены! Да ладно бы «кормите», так еще и «поите» меня, ханурика – у меня то депрессия, то агрессия, то словесный понос!

СТАРУХА. Ну, не сложилась жизнь у человека.

СТАРИК. Поэтому надо отравить остаток жизни родителям, последнюю кровь из них выпить? Вампир! Чистый вампир! *(Взрывается.)* Я-то в чем виноват? Что я не так сделал? Чем его обделил?

СТАРУХА. Успокойся, не нервничай, помни о своем давлении.

СТАРИК. Плевать на давление! Не нервничай? Сама заводишь меня, в потом – не нервничай!

СТАРУХА. Ну, нервничай, если нравится. Только помни – сотовый здесь не тянет, так что скорая не приедет.

СТАРИК. Нечего было одного рожать.

СТАРУХА *(напряглась)*. Что?

СТАРИК. Нужно было хотя бы двоих рожать.

СТАРУХА расплакалась.

СТАРИК. Прости, вырвалось.

СТАРУХА. Господи, я же ещё и виновата! Полжизни за ним по военным городкам! Одна с ребенком на руках в чёртовых дырах, где ни поликлиники, ни детского садика, ни дороги по полгода! Он еще по вьетнамам и египтам своим мотался! Всё социализм строил для папуасов! И я же виновата! Господи, за что? *(Срывается.)* Ты про мои выкидыши забыл, дурак старый?

СТАРИК. Прости...

СТАРУХА. Шёл бы ты со своим «прости».

СТАРУХА плачет. МОЛЧАНИЕ.

СТАРИК. Нет, я жить с ним под одной крышей не буду, лучше здесь подохну. А ты – как знаешь...

СТАРУХА. Идиотская затея... Как я, дура старая, согласилась?... Мы не переживём здесь зиму... Я точно коньки откину...

СТАРИК. Можешь возвращаться в город... Только не жалуйся потом, если снова руку на тебя поднимет... Один проживу. Дров в лесу много. «Запорожец» на ходу. Техосмотр, правда, не прошел, но ГАИ в лесу не ловит. Весной картошку посажу – пустой земли вокруг много. Говорят, тут от радиации всё очень хорошо растёт. Вот и проверю. Проживу как-нибудь. Немного осталось.

СТАРУХА *(вытирая слезы)*. Немного ему осталось!.. А что я с твоим арсеналом делать стану?

СТАРИК. Внукам отдашь, когда подрастут. Пригодится еще. Трудно жить без пулемёта в деревне.

СТАРУХА. Ему смешно, ему еще и смешно...

СЦЕНА 3

Ночь. Едва теплится буржуйка. СТАРИКИ лежат на сдвинутых солдатских железных койках, укрывшись старыми солдатскими одеялами.

СТАРИК. Так и будем ворочаться до самого утра?..

МОЛЧАНИЕ.

СТАРИК. Ну, еще раз – прости... Злой становлюсь, ты права... Как подумаю о нём – сразу в башке словно молоток стучит... Ну, прости.

СТАРУХА. Отстань ты со своими «прости». При чем здесь «прости»? Неужели тебе комары не мешают? Хоть бы дождь пошел.

СТАРИК. Комары?.. Разве это комары? – Видела бы ты, какие кровососы в джунглях Вьетнама летают! Размером с Б-52.

СТАРУХА. Вот только не начинай про свой Вьетнам на ночь глядя, надоел.

МОЛЧАНИЕ.

СТАРИК. А в Египте практически нет комаров.

СТАРУХА (*засмеялась*). Господи, как я с этим человеком жизнь прожила?

СТАРИК. Ну, еще не прожила...

Смеются. Издалека доносится нарастающий гул и лязг железа. По потолку ползут полосы света.

СТАРИК (*вскакивает*). Не может быть.

СТАРУХА. Что случилось?

СТАРИК. Нет, этого... не может быть.

СТАРУХА. Чего не может быть?

СТАРИК стремительно, как по тревоге, одевается и бросается к железному шкафу. Через несколько секунд у него в руках – автомат ППШ.

СТАРУХА. Дед, только с ума не сходи.

СТАРИК. Этого не может быть. Разве что КПП разворотили... Одевайся быстрее. Куда я очки положил?

Пока СТАРУХА встаёт, ищет в темноте одежду и одевается. СТАРИК пытается разглядеть происходящее за окнами, протирает стекло рукавом.

СТАРИК. Просил же – помой хоть одно окно. Ничего не разглядеть.

Лязг железа нарастает. Яркий свет ослепляет СТАРИКА.

СТАРИК (*шарит по столу руками*). Куда очки подевались, чёрт бы их подрал? Мать, ты что-нибудь там видишь? Нет, этого не может быть...

СТАРУХА (*смотрит в окно*). Танк какой-то.

СТАРИК. Какой танк?

СТАРУХА. Откуда мне знать – какой! Я в танках не разбираюсь, это ты у нас великий военспец...

СТАРИК. Нашла время...

Грохот падающей кирпичной стены, скрежет железа. Мужские вопли дурного восторга.

СТАРИК. Что там? Да где же очки?

СТАРУХА. Стену клуба развалили... «Запорожец» твой переехали...

Яркий свет фар освещает комнату.

СТАРУХА. Дед, нам, похоже, недолго осталось мучиться на этом свете.

Рев мотора и лязг гусениц нарастает.

СТАРИК. Свет! Свет! Включи свет!

Бросаются к стене, едва не сбивая друг друга с ног, судорожно ищут выключатель... Свет вспыхивает в ту секунду, когда танковая пушка влезает в окно. Танк останавливается. Старики вжимаются в стену. Двигатель замолкает. Недолгая тишина, потом – раздраженные голоса снаружи.

- Покатались, наркоты долбанные, мать вашу?! Всё, последний раз беру на операцию.
- Кто же знал, что тут люди... живые? Территория закрытая, кругом колючка, таблички.
- Из-за вас... Под трибунал, то есть, под суд пойдёте!
- Наверно, бомжи гнёздышко свили...
- Слушай, Петрович!
- Отставить Петровича! Обращаться по уставу – товарищ комиссар!
- Ясно, товарищ комиссар.
- За мной! У меня есть план. Переговоры буду вести я.

Из форточки высовывается голова в военной фуражке образца 1941 года.

ГОЛОВА. Есть тут кто? (**МОЛЧАНИЕ. СТАРИКИ затаились в углу.**) Эй, есть кто живой?

ГОЛОС (**снаружи**). Может, петарду кинем?

СТАРИК. Я как кину!

КОМИССАР. Живые?

СТАРИК. Так точно.

ГОЛОВА. «Так точно»? – Хороший ответ, по уставу ответ. Сразу слышно военного человека. Разрешите войти?

СТАРИК. Входите.

ГОЛОВА. Извините, что нарушили ваш покой. Тут такое дело... (*Пытается протиснуться в форточку.*)

СТАРИК. Лучше через дверь.

ГОЛОВА. А где у нас дверь?

СТАРУХА. Нужно обойти справа.

ГОЛОВА. Обойдем и зайдём. Ждите в гости.

Голова исчезает. Слышно, как нервно спорят несколько мужских и один женский голос.

СТАРУХА (**громко**). Только не споткнитесь. Там за углом...

ГОЛОС (**приглушенный**). Твою мать, навалили всякого дерьма!

СТАРИК. Поздно предупредила.

ТИШИНА.

СТАРУХА. Кто это?

СТАРИК. Если б я видел! Где очки?

СТАРУХА. Вечна одна и та же история! Я не приставлена к твоим очкам. Вспоминай, куда сунул. И спрячь пистолет, всё равно не видишь мушку без очков.

СТАРИК. Я по звуку умею стрелять. Мы во Вьетнаме...

СТАРУХА. Самое время про Вьетнам!

СТАРИК. И это не пистолет, это ПППШ.

СТАРУХА. И что такое ПППШ?

СТАРИК. Пистолет-пулемет Шпагина... (**Осёкся.**)

СТАРУХА. Всё-таки пистолет! Ещё учить меня вздумал! Сам не знает, что в руках держит. Как это вы во Вьетнаме победили?

Входит полковой КОМИССАР в сопровождении двух бойцов Красной Армии.

КОМИССАР. Разрешите... (*Видит на стене полковничий китель с боевыми наградами СССР.*) товарищи?

СТАРИК (*на ухо СТАРУХЕ, пока гости осторожно заходят и озираются*). Наши вроде?

СТАРУХА (*также тихо*). По-русски говорят.

СТАРИК (*тихо шипит*). Я слышу, что говорят по-русски, я не глухой. Я не вижу знаков различия. Где очки?

СТАРУХА (*тоже шипит*). Не надо на меня кричать, я не виновата, что у тебя склероз, и ты не помнишь, где твои очки.

СТАРИК. Да кто на тебя кричит? Какие на нём погоны?

СТАРУХА. Погонов на нём нет.

СТАРИК. Как нет? И не «погонов», а «погон».

СТАРУХА. Филолога еще будет из себя строить! Очень просто, нет и всё.

СТАРИК. А что на нём есть?

СТАРУХА. Фуражка.

СТАРИК. И всё?

СТАРУХА. Нет, еще ремень и сапоги.

СТАРИК. Может, дезертиры?

СТАРУХА. Может и дезертиры. Но больше на власовцев похожи.

СТАРИК. Почему на власовцев?

СТАРУХА. Таких в немецкой кинохронике показывают, когда советских военнопленных ведут. Только эти почище будут, словно из химчистки.

СТАРИК. Спасибо, подруга боевая, за разведданные.

СТАРИК на всякий случай передергивает затвор ППШ, гости пятаются к дверям.

СТАРИК. Если вы пришли сюда как захватчики, предупреждаю – при малейшей попытке взять нас в плен – стреляю на поражение.

КОМИССАР (*попятившимся бойцам*). Всё нормально, товарищи бойцы. Операция идет по плану.

СТАРИК. Операция? Какая операция?

ВТОРОЙ БОЕЦ. Слышь, Петрович, я на это не подписывался.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Бяша, заткнись ты.

КОМИССАР (*неожиданно рывкает*). Отставить разговорчики, товарищи бойцы!

СТАРИК с перепугу пускает автоматную очередь над головами непрошенных гостей, которые падают наземь. ПАУЗА.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Ну ни ху... себе.

КОМИССАР (*едва слышно, лежа на полу*). Заткнитесь, товарищ боец. Вы уже и так нахерачили делов выше крыши. (*Совсем тихо.*) Что б я тебе еще раз танк доверил, жопа тупая! Уже дерябнули сегодня с немцем?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Как стёклышко, товарищ комиссар!

ВТОРОЙ БОЕЦ. Петрович... То есть, товарищ комиссар!.. Может я отползу, пока не нужен?

СТАРИК (*СТАРУХЕ, тоже за компанию упавшей на пол*). Что они там делают?

СТАРУХА. По полу ползают.

СТАРИК. Почему я тебя так плохо слышу?

СТАРУХА. Не знаю, очки здесь не причем. (*Встаёт.*) Но если вы во Вьетнаме так всегда стреляли, удивляюсь, как смогли победить.

СТАРИК. Что такое?

СТАРУХА. Ты ни разу не попал, мазила.

СТАРИК (*по-командирски громко*). Быстро и четко отвечайте на мои вопросы! Кто вы такие? Что за подразделение? В чем цель военной операции? Кто вами командует? Сколько вас?

ВТОРОЙ БОЕЦ. Не, Петрович, я на такое не подписывался. (*Пытается уползти.*)

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Бяша, лежи ты, блин. Он боевыми стреляет, кажется.

СТАРУХА. Настоящими боевыми из ППШ, что в переводе значит – пистолет-пулемет Калашникова.

СТАРИК. Шпагина.

СТАРУХА. Молчи, Калашникова больше бояться.

МЕДСЕСТРА (*распахивает дверь*). Все живы, мальчики?

КОМИССАР. Тебя тут только не хватало! Приказано было – сидеть с немцем у танка.

МЕДСЕСТРА. Но ведь стреляли.

КОМИССАР. И чем ты нам поможешь? У тебя боевое оружие есть?

МЕДСЕСТРА. А что, боевыми стреляли?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. А мы тут просто позагорать прилегали?

МЕДСЕСТРА. Ой, мамочки... (*Сползает по стене на пол.*) Что же мы будем делать, мальчики?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. С нашей бутафорией (*Показывает на свою винтовку Мосина.*) мы с этим сумасшедшим не справимся. Чего он такой злой?

ВТОРОЙ БОЕЦ. Посмотрел бы я на твоё настроение, если тебя танком переехать среди ночи.

Они кто, вообще, эти старики? Вневедомственная охрана?

МЕДСЕСТРА. Ну, если ВОХРовцы, тогда вляпались мы с вами, мальчики. Господи, чуяло моё сердце, надо было мне с мамой сегодня оставаться...

ВТОРОЙ БОЕЦ. Ну ни хрена себе, сходил за хлебушком.

КОМИССАР. Отставить пи...ёшь, товарищи бойцы. Будем действовать по моему плану.

Только без импровизации, суки! (*С большой опаской приподнимается.*) Товарищ...

СТАРИК. Товарищ? Вы – коммунист?

КОМИССАР. Ну, как вам сказать, товарищ...

ПЕРВЫЙ БОЕЦ (*тихо*). Петрович, ты хочешь, чтобы нас тут перестреляли, как кроликов?

Импровизируй, мать твою, раз взялся...

КОМИССАР. Позвольте представиться...

ПЕРВЫЙ БОЕЦ (*шипит*). Вот Виконт де Бражелон...

КОМИССАР. Полковой комиссар первого ранга... Рокоссовский.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Почему Рокоссовский?

КОМИССАР. А что, в этой ситуации лучше Жуковым или Кутузовым назваться?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. А больше никого не знаешь?

КОМИССАР. Посмотрю, кого ты вспомнишь, когда на тебя автомат направлен.

СТАРИК. Вы родственник Константину Константиновичу?

ВТОРОЙ БОЕЦ (*злобно под себя*). И даже Константину Сергеевичу.

СТАРИК. Что он говорит?

КОМИССАР. Он говорит, что у меня много родственников по разным линиям.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Особенно по линии Сталина.

КОМИССАР. Ну, поедем мы на «Линию Сталина», я тебе всё припомню, юморист хренов.

Поползаешь ты у меня по полосе препятствий. Врёшь, что не пил сегодня! Больше этого немца никогда не возьму с собой.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Петрович... Товарищ комиссар, действуйте, я замерз уже.

КОМИССАР (*СТАРИКУ*). Нет, я не родственник Константину Рокоссовскому. При рождении мне была дана другая фамилия. Но в дань уважения к подвигам великого полководца Великой Отечественной войны, я переименовался...

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Перефамилился.

КОМИССАР (*тихо ПЕРВОМУ БОЙЦУ*). Убью, сучий потрох! (*СТАРИКУ*.) Взял его фамилию. Подхватил из его рук, так сказать, падающее знамя победы, признал его своим духовным отцом на официальном, так сказать, уровне. И с гордостью ношу фамилию – Рокоссовский.

СТАРИК. А по имени вас как?

Пауза. Бойцы с ухмылкой смотрят на КОМИССАРА.

КОМИССАР (*бурчит*). Сидят и слушают бойцы, товарищи мои... (*СТАРИКУ*.) Называйте меня просто – полковой комиссар Рокоссовский. (*Протягивает СТАРИКУ руку.*)

СТАРИК (*СТАРУХЕ*). Это рука?

СТАРУХА. Рука.

СТАРИК (*СТАРУХЕ*). Пустая?

СТАРУХА. А ты взятку ждал? Конечно, пустая. Просто рука.

СТАРИК (*жмет руку КОМИССАРУ*). Полковник в отставке Сапегин.

КОМИССАР. Ну, вот и познакомились. Позвольте, мы присядем. Очень утомительная дорога. «Тридцатьчетвёрка» – не самый удобный транспорт в наше время.

Бойцы поднимаются, с опаской поглядывая на ППШ, который СТАРИК не выпускает из рук.

СТАРИК (*радостно*). Я по звуку сразу догадался – Т-34! Конечно же, Т-34! (*СТАРУХЕ*.) Как можно не узнать легендарный танк?

СТАРУХА. Танк, как танк, все они одинаковые: трактор с пушкой. Господи, ты всю жизнь говядину от свинины отличить не можешь!

Под потолком моргает лампочка. Красноармейцы на всякий случай падают на пол. Старики не двигаются.

СТАРУХА. Не пугайтесь, это заяц, наверное.

КОМИССАР. Какой заяц?

СТАРУХА. Или кошка.

КОМИССАР. Кошка?

СТАРИК. Надеюсь, не собака. Собак я больше жалею.

КОМИССАР. Больше чего?

СТАРИК. Больше, чем кошек. Я скорее собачник.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ (*тихо*). Ну, полный дурдом...

САНИТАРКА. Мальчики, я забыла сказать – у меня сегодня месячные.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Это-то тут причем?

САНИТАРКА. Боялась, что вы не возьмете меня сегодня.

ВТОРОЙ БОЕЦ. И что?

САНИТАРКА. Лучше бы сказала.

КОМИССАР (*разглядев за это время обстановку, СТАРИКУ*). Значит, товарищ, вы коммунист?

СТАРИК. Вышел из партии в знак протеста против бездействия высших партийных органов после ГКЧП.

ВТОРОЙ БОЕЦ (*тихо ПЕРВОМУ*). Что такое ГКЧП?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Потом Петровича спросишь, он у нас историк великий. Троцкист, наверно.

МЕДСЕСТРА. Сидела бы сейчас с мамой у телевизора.

КОМИССАР. Товарищи красноармейцы, отставить разговорчики! (*СТАРИКУ*.) Зачем вам боевое оружие, товарищ?

СТАРИК. Оружие никогда не помешает... Особенно в нашей стране...

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Ну да, трудно жить в деревне без пулемёта. (*Натужно смеется в одиночестве.*)

МОЛЧАНИЕ.

КОМИССАР. А откуда оно у вас?

СТАРИК. Военная тайна. (*Направляет ППШ на КОМИССАРА.*) Но вы не ответили на мои вопросы – кто вы и какая цель операции? Только не пытайтесь водить меня за нос, я боевой офицер.

МОЛЧАНИЕ.

КОМИССАР. Я вижу, вы умеете хранить военную тайну... И, несмотря на возраст, в хорошей боевой форме... Да еще и при боевом оружии... Нам не хватает таких, как вы.

СТАРИК. Нам?

КОМИССАР. Нашей организации.

СТАРИК. Что за организация?

КОМИССАР. Мы – тайная боевая организация... Но, прежде, чем открыть тайну, я должен взять у вас клятву, что не выдадите нас.

СТАРИК. Я никому не собираюсь давать никаких клятв. Я дал в этой жизни всего одну клятву и останусь ей верен до конца дней.

КОМИССАР. Вы про свою боевую подругу? (*Смотрит на СТАРУХУ.*)

СТАРИК. Нет, я про военную присягу, данную своей развалившейся великой родине.

МОЛЧАНИЕ. КОМИССАР встаёт, осматривает комнату.

КОМИССАР. Я вас понял, товарищ... (*Подходит к висящему на стене кителю.*) Я вас очень хорошо понял, товарищ полковник... В таком случае, клятва не требуется. Я предлагаю вам стать членом нашей тайной военной организации...

СТАРИК. Мне?

КОМИССАР. Могу предложить вступить в неё и вашей боевой подруге.

СТАРУХА. Я не могу, я пистолет от автомата не отличаю и в танках не разбираюсь.

КОМИССАР. Вы можете стать санитаркой.

СТАРУХА. Нет, я не могу, не могу... Я ползать по-пластунски не умею... И у меня сын – алкоголик.

КОМИССАР. Сын-алкоголик, конечно, сильно портит вашу биографию, но мы согласны пойти на исключение.

МЕДСЕСТРА. Ой, мамочки, живот-то как болит.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Я думал, просто покатаемся, а тут...

СТАРИК. Я не понял, что за организация?

КОМИССАР. Разве я не сказал?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ (*тихо*). Как надену португую, всё тупею и тупею...

КОМИССАР (*строго взглянув на ПЕРВОГО БОЙЦА*). Для отвода глаз, для посторонних мы называемся «Красным батальоном», но полное название нашей тайной военной организации...

ПАУЗА.

КОМИССАР. Евразийский Военный Либерально-патриотический Комитет возрождения Союза Советских Социалистических Республик!!!

СТАРИК стреляет в потолок и вскакивает, потрясая автоматом. Гости падают на пол, прячутся под столом, кроватями и вылинявшим половиком. СТАРИК в возбуждении ходит по комнате, спотыкаясь о тела.

СТАРУХА. Помни о своём давлении. Скорая помощь не приедет.

СТАРИК. Этого не может быть! Неужели он слышал мои молитвы?

СТАРИК подбегает к портрету маршала Гречко, аккуратно снимает его со стены, под портретом – икона. СТАРИК падает на колени.

СТАРИК. Всё-таки, слышал он мои молитвы. (*Бьёт поклоны.*) Старая, становись рядом.

СТАРУХА. Я в Бога не верю. Если бы он существовал, не оставил бы нашего сына.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ (*из-под стола*). Совсем крыша поехала у старого.

КОМИССАР (*запихивает ПЕРВОГО БОЙЦА снова под стол*). Сиди ты там! Может, прокатит.

СТАРИК (*вскакивает, сослепу вешает вниз головой Гречко, плюёт в портрет Горбачева, бьёт прикладом Ельцина*). Мы ещё посмотрим, кто из нас прав, Борька-самозванец! Товарищ комиссар, позвольте я вас расцелую? (*Поцелуй достаётся первой попавшейся под руку – САНИТАРКЕ.*)

СТАРУХА. Как девок лапать, так зрение не подводит.

СТАРИК. Простите, девушка, виноват.

КОМИССАР (*обнимает СТАРИКА*). Рад, очень рад, что нашел в вас единомышленника. (*Пока продолжаются объятия, ПЕРВЫЙ БОЕЦ безуспешно пытается стянуть со стариковского плеча ППШ.*)

СТАРИК. Присаживайтесь, товарищи, за стол. К сожалению, у нас... Мать, что там осталось?

СТАРУХА. Холодная картошка. Можно лука порезать. Пенсия, сами знаете, какая в нашей стране...

СТАРИК. Неси картошку, лук неси.

КОМИССАР. За то и будем бороться, чтобы старики получали достойную пенсию.

СТАРИК. А у вашей организации есть устав, программа?

КОМИССАР. А как же! Какая же мы организация, если нет устава и программы!

СТАРИК. Можно с ними ознакомиться?

КОМИССАР (*осёкся, задумался*). Нет, товарищ, для этого нужен особый допуск. Ведь мы – тайная организация. И устав наш тайный. И программа тайная. Честно сказавши, даже я не читал их, уж очень тайные документы.

СТАРУХА (*ставит на стол кастрюлю*). Чем богаты, как говорится...

КОМИССАР. Ничего, ничего, мы кое-что с собой захватили. (*ПЕРВОМУ БОЙЦУ*)

Товарищ... Как вас?.. Кажется, Матросов? Сбегайте за сухим пайком. Одна нога здесь – вторая, как говорится, там! Ну и фронтовые сто грамм захватите.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ (*под нос*). Сам ты Матросов.

КОМИССАР. Только держитесь подальше от немца. Иначе – три наряда вне очереди.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Очень смешно.

КОМИССАР (*СТАРИКУ*). Армейский юмор, так сказать. Не всем понятен.

СТАРИК. Мне понятен.

КОМИССАР. Эй, вы трое, оба ко мне! Ха-ха! Так, отец? Будем копать от забора и до обеда!

Ха-ха! Товарищ прапорщик, а крокодилы летают?

СТАРИК. Летают, але низенько-низенько.

КОМИССАР громко и заразительно смеётся. Остальным не до смеха.

СТАРИК. А откуда у вас настоящий Т-34-ый?

КОМИССАР (*обрывает смех и задумывается. Остальные пристально смотрят на него.*) Это военная тайна.

СТАРИК. Понимаю. Наверное, сняли с постамента, починили, покрасили и – в бой? Как в ДНР?

КОМИССАР. В ДНР?.. Да, именно так. Заимствуем боевой опыт донецких, так сказать, братьев по оружию.

СТАРИК. Это правильно. Мы у вьетов тоже перенимали боевой опыт.

КОМИССАР. У кого, простите?..

СТАРИК. Например, опыт туннельной войны. У нас такого опыта не было. Чтобы выкурить вьетов из-под земли, американцы даже создали специальные отряды, названные «туннельными крысами». Вьеты очень хорошо воевали, из нор возвращалась только половина состава этих самых крыс. А в джунглях вьеты ставили бамбуковые ловушки и фугасы, начиненные американским порохом из неразорвавшихся снарядов – так называемые «вьетнамские сувениры».

КОМИССАР. А, вы о вьетнамской войне! Служили там, товарищ полковник?

СТАРИК. Ну, как сказать – «служил»? Официально мы там не воевали. Ходили по-гражданке. Это была такая тайна, что многие её даже забыли.

СТАРУХА. Он скоро бредить начнёт своим Вьетнамом.

СТАРИК. Два года был офицером наведения на ракетном комплексе «С-75».

СТАРУХА. Этот Вьетнам ему дороже семьи и родины.

СТАРИК (*нервно*). Какой родины? Мы свою родину просрали. А вот вьеты объединили и сохранили. Если бы мы воевали, как вьетнамцы...

ПЕРВЫЙ БОЕЦ приносит несколько бутылок водки, кока-колы и пакеты с гамбургерами и чизбургерами, ставит на стол. **ПАУЗА.**

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. За встречу боевых товарищей стоило бы тушенку открыть, но, уж что отбили в «Макдональдсе» у проклятых америкосов...

КОМИССАР (перебивает). Зато фронтовые сто грамм – самые наши, отечественные.

СТАРИК. У нас в городе под окнами этот самый «Макдональдс» построили, житья не стало.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Вот мы по дороге и раскатали гусеницами придорожный «Макдональдс». И до вашего доберёмся... (**КОМИССАР, глядя на ПЕРВОГО БОЙЦА, стучит себя по лбу.**)

Рано или поздно.

ПАУЗА.

СТАРИК. Американцы совсем оборзели. Всюду лезут. Да, нужно начинать с малого. Потом и до ракет дойдет дело. Нужно восстанавливать страну.

КОМИССАР (ВТОРОМУ БОЙЦУ). Товарищ боец, не стойте столбом, не у мавзолея, наливайте!

МЕДСЕСТРА. Я пить не буду, у меня живот сегодня.

СТАРУХА. Моему много не наливайте, у него давление, язва болит.

СТАРИК. Сегодня – пусть болит!

СТАРИК уходит вглубь.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ (на ухо КОМИССАРУ). Там немец просыпается.

КОМИССАР (также тихо). А еще налить не догадался, юморист хренов? (**Громко.**) Ну, за что, товарищи?

СТАРИК (из глубины). Никогда не прощу Горбатову распиленные СС-23.

КОМИССАР. За меченного пить точно не будем!

СТАРИК возвращается – на нём полковничий китель, увешанный боевыми наградами.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Может, просто за встречу?

СТАРИК. Я бы за Вьетнам...

СТАРУХА. Оставь ты свой Вьетнам.

КОМИССАР. Предлагаю – за Евразийский Военный Социально-патриотический Комитет возрождения Союза Советских Социалистических Республик!!!

Мужчины чокаются, выпивают.

СТАРУХА (задумавшемуся СТАРИКУ). Закусывай. Что-то ты сегодня расхрабрился. Смотри, скорая не доедет. (**Гостям.**) Картошка остыла, зато без нитратов.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Спасибо. А вы американскими трофеями закусите.

ПАУЗА. Гости закусывают.

СТАРИК. Вроде, первый раз вы сказали – «Либерально-патриотический комитет»?

КОМИССАР (ест гамбургер). Конечно.

СТАРИК. А сейчас мы пили за «Социально-патриотический».

КОМИССАР (поперхнулся). Да?..

СТАРИК. Я плохо вижу, но хорошо слышу. И я не в маразме, как некоторым (**Бросил взгляд на СТАРУХУ.**) кажется.

МЕДСЕСТРА. Ой, мамочки родные.

ПАУЗА.

КОМИССАР. Ну, что молчим, как рыба об лёд, товарищи бойцы? Без своего полкового комиссара двух слов связать не можем?

ВТОРОЙ БОЕЦ. Лично я отвечаю за пиротехнику... То есть огневую поддержку...

САНИТАРКА. А у меня живот болит.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. В нашей организации есть два подразделения: либеральное и социальное... Мне так кажется...

КОМИССАР. Ну, вот, можете же, если напрягёте мозги. *(СТАРИКУ.)* Одним словом, мы пытаемся привлечь к нашему движению как можно больше сторонников, я бы даже сказал, — электорат.

СТАРУХА *(Старику, выковыривая мясо из гамбургера)*. Закуси котлеткой.

КОМИССАР. А после встречи с вами у меня появилась идея создать третье подразделение: «Коммунистическо-патриотическое»...

ПЕРВЫЙ БОЕЦ *(СТАРИКУ)*. Вы можете его возглавить. *(Получает локтём под дых от КОМИССАРА.)*

СТАРИК. Кстати, раз уж зашла речь о мавзолее... *(Кладёт на стол ППШ, стволом на КОМИССАРА.)* Как ваша организация относится к вопросу о переносе тела Ленина.

КОМИССАР. Кто говорил о мавзолее?

ВТОРОЙ БОЕЦ. Что вы на меня смотрите? Я отвечаю за пиротехнику. Задолбали вы меня все! Чтоб я еще раз с вами связался! *(Пытается встать.)*

СТАРИК. Всем сидеть!

САНИТАРКА. Мамочки родные... Мальчики, налейте мне водки.

СТАРИК. Это для меня вопрос принципиальный.

КОМИССАР. Для нас тоже. И мы с вами абсолютно согласны.

СТАРИК. Согласны с чем?

КОМИССАР. Согласны с вами.

СТАРИК. В чём согласны?

КОМИССАР. Во всём.

СТАРИК. Уточните.

КОМИССАР. Особенно в этом сложном вопросе, не говоря уже о более простых.

Снаружи раздаётся пьяное пение: «Дойчен зольдатен, унтер-официрен».

КОМИССАР *(очень тихо)*. Пи...ец... Проснулся, сука... Щас такое начнётся...

СТАРУХА. Кого ещё чёрт несёт на нашу голову? Лучше бы я с сыном, дебоширом и алкоголиком, осталась, с ним спокойней.

Дверь с грохотом распаивается и вваливается в стельку пьяный

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ *гитлеровской армии.*

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Что, партизаны-бляди, думали, спрячетесь, от фашистских карателей?

Без меня всю водку выжрать хотели? Хрен вам от Геббельса! *(Поёт дурным голосом.)* Только рюмка водки на столе!

СТАРУХА. Всё-таки, власовцы.

СТАРИК. Всем руки вверх!

СТАРИК тянется к своему ППШ, но гости успевают навалиться на него, а ПЕРВЫЙ БОЕЦ рывком переворачивает стол. Автомат падает на пол — длинная автоматная очередь лупит в потолок, лопаются лампочки... ТИШИНА и ТЕМЕНЬ.
ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ *(из темноты, мгновенно протрезвевший)*. Тьфутыбля... Мужики, кажется, я обоссался.

СЦЕНА 4

Кто-то сопит и пыхтит в темноте.

ГОЛОС ВТОРОГО БОЙЦА. Не попаду никак... Не могу попасть...

ГОЛОС КОМИССАРА. Долго вы там колупаться будете?

ГОЛОС ВТОРОГО БОЙЦА. Петрович, не вижу ни хрена, попасть не могу.

ГОЛОС ПЕРВЫЙ БОЙЦА. Что, чувство дырки отказало?

ГОЛОС САНИТАРКИ. А ничего, что здесь женщина?

ГОЛОС КОМИССАРА. Вот, горе-электрики.

ГОЛОС ВТОРОГО БОЙЦА. Моя специализация — пиротехника.

ГОЛОС ПЕРВОГО БОЙЦА. Закручивай быстрее, пиротехник, не то отпущу!

Загорается лампочка, которую вкручивал ВТОРОЙ БОЕЦ, поддерживаемый ПЕРВЫМ. СТАРИК привязан к стулу. СТАРУХА – к кровати.

КОМИССАР. Наконец-то!..

ПЕРВЫЙ БОЕЦ (*садится на койку, скачет на панцирной сетке*). Неудобно здесь сексом заниматься, правда, дед?

КОМИССАР. Отставить шуточки. Посмотри, что там еще?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ идёт к металлическому шкафу, достаёт охотничье ружьё, пистолет Макарова, кладёт их на стол, рядом с ППШ.

КОМИССАР. Да, дедуля, хорошо ты вооружился, будет чем правоохранительным органам заняться.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ (*снаружи, через разбитое окно*). Мужики, Христом-Богом прошу: дайте какие-нибудь штаны.

КОМИССАР. Без порток походишь. Это тебе вместо гауптвахты за нарушение спортивного режима. Хрен тебя когда еще возьму с собой.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Тьфутыбля, тогда я голяка к вам завалюсь. Мне комары всю жопу отгрызли.

САНИТАРКА. Мальчики, ну дайте ему кто-нибудь штаны.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Где их взять? С себя снять?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ (*СТАРИКУ*). Дед, есть у тебя какое-нибудь барахло? (*СТАРИК молчит.*)

СТАРУХА. Дай от парадки.

СТАРИК. Чтобы мои парадные брюки носила вражеская жопа? Может, ему и кортик офицерский подарить?

СТАРУХА. Да какой он немец? Слышишь, по-русски говорит!

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Ёб вашу трижды по черепу да по крышке гроба мать, нашли нерусского!

СТАРУХА. Очень даже по-русски говорит.

СТАРИК. Ничего не знаю. Где мои очки?

КОМИССАР. Да на лбу твои очки, дед, на лбу! Всё время – на лбу! (*Надевает СТАРИКУ на нос очки, которые тот всё это время на замечал. Отдаёт честь СТАРИКУ.*) Здравия желаю, товарищ полковник!

СТАРУХА. Гвардии полковник.

КОМИССАР. Да насрать – гвардии, не гвардии... Какая тут гвардия?.. Посмотрите вы на себя. Устроили бомжарню! (*Пинает ногой ящик с барахлом.*)

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Сжальтесь, сучьи дети.

СТАРУХА. У меня есть кое-что, правда, поношенное. Если не забрезгует.

МЕДСЕСТРА. Пожалуйста, если вас не затруднит.

СТАРУХА. Вон там, в тумбочке... Я сама, если развяжите...

МЕДСЕСТРА. Развяжите её, мальчики... Куда бабушка денется?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Кто её знает, бабушку... такого дедушки! Может, у неё пулемет под матрасом.

ВТОРОЙ БОЕЦ. И граната под юбкой.

МЕДСЕСТРА. Ну, придурки! Что про вас еще сказать.

КОМИССАР. Развяжи, Бяша.

ВТОРОЙ БОЕЦ развязывает СТАРУХУ, та находит какое-то старьё и подаёт в окно.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Большое русское мерси, зер гут, грандмаза, как говорят у нас, в Париже. (*Исчезает.*)

СТАРУХА (*садится рядом со СТАРИКОМ, ждёт некоторое время*). Ну...

КОМИССАР. Что ну?

СТАРУХА. Связывайте меня.

КОМИССАР. Не понял.

СТАРУХА. Связывайте меня вместе с ним.

КОМИССАР. Зачем?

КОМИССАР. Вместе на расстрел пойдём.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ хохочет.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Так, Петрович, я на такое не подписывался. Моё дело – фейерверки. Собрал, подключил – пультнул и до свиданья, а тут, я гляжу, уголовщина начинается!

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Да заткнись ты, дебил, про свои фейерверки. **(КОМИССАРУ.)** Вляпались, товарищ комиссар...

КОМИССАР **(взрывается)**. Это я, бл...дь, вляпался?! Из-за кого мы тут, бл...дь, оказались?

Приказывал же – от колонны не отставать! Какого хрена вы сюда свернули,

танкисты-трактористы? Стридлейтеры долбанные?

ВТОРОЙ БОЕЦ. Стритрейсеры.

КОМИССАР. Плевать! Нас в Брестской крепости уже часа два ждут – не дождутся. Наверное, всё областное ГАИ по тревоге подняли, думают, что мы где-нибудь в болоте утонули, а мы тут в сталкеров играем! Нажрались с немцем и решили помажорить на старой колымаге? Как его фамилия, никак не могу запомнить, немца твоего?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Коцюбинский, вроде.

КОМИССАР. Твою мать! Коцюбинский! Навязался ещё хохол на нашу жопу.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ **(входит, давясь от смеха, он – в женской юбке)**. Обер-лейтенат

Коцюбинский по вашему приказанию прибыл!

КОМИССАР. Иди ты на ху..., фашист проклятый! Чтобы я когда-нибудь тебя еще раз взял на операцию – выкуси!

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Ну, мужики! Раз в год вырвался из семьи! Неужели нельзя немного расслабиться?

КОМИССАР. Расслабился? Теперь ходи обосранный, в юбке.

СТАРИК **(СТАРУХЕ)**. Ты что-нибудь понимаешь?

СТАРУХА. Нет.

СТАРИК. Маскарад какой-то. Кто эти люди?

СТАРУХА. Очки нашел – сам смотри.

СТАРИК. На власовцев не похожи.

СТАРУХА. Может, кино снимают.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Ага! Кино и немцы! Щас начнём снимать хоррор – поведём вас на расстрел. И скинем в шахту, как этих... Как их?.. Народовольцев?

САНИТАРКА. Молодогвардейцев.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Во-во...

СТАРИК. Может бендеровцы. Я в «Комсомолке» читала, что в этих местах до сих пор прячутся их банды.

КОМИССАР. Молчать за бендеровцев! Мой дед Берлин брал!

СТАРИК. Так кто же вы?

МОЛЧАНИЕ.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ **(ядовито)**. Бродячий театр, даже цирк. Гастролируем по бывшим военным городкам.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Даём представления с фейерверками.

МЕДСЕСТРА. Перестаньте шутить, мальчики, это уже не смешно.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. А смешно было, когда в тебя этот сумасшедший из автомата палил?

СТАРУХА. Он не специально. У него давление повышенное. И алыцгеймер начинается.

СТАРИК. У кого это алыцгеймер начинается?

СТАРУХА. У тебя. Скорее даже – паркинсон.

СТАРИК. Что за оскорбления?

СТАРУХА. Ну, ведь ни разу не попал.

СТАРИК. Потому что без очков был. В очках я в Горбатого девять из десяти попадаю.

СТАРУХА. Ой, когда это ты попадал?

Моргает лампочка. Где-то далеко воет какой-то дикий зверь.

СТАРИК. Волк, что ли попался?

СТАРУХА. Какие тут волки? Опять собака.

СТАРИК. Жаль, если собака, я собак люблю больше, чем кошек.

КОМИССАР (**взорвался**). Молчать! Всем молчать!

СТАРУХА. Совсем озверел этот... Рокоссовский.

СТАРИК. Молодой человек... Теперь я вижу, что вы – достаточно молодой человек – не смейте на нас кричать. Я не позволю...

КОМИССАР. Заткнись, папаша. Из-за вас мы опоздали на регистрацию. Завтрашний праздник начнется, похоже, без нас. (**О сотовом телефоне, на котором всё это время пытался набрать номер.**) Ну, нет сигнала, нет! У кого-нибудь таянет?

СТАРУХА. Здесь связи нет.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. В этом наряде я мог бы сойти за шотландского гвардейца при Ватерлоо, но в Брестской крепости – это будет просто пи...ц какой-то!

МЕДСЕСТРА. Мальчики, сколько можно напоминать – здесь женщины.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Тем более пи...ц!

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Слышь, Петрович, я, между прочим, на заводе за свой счёт брал. На хрена мне такой праздник?

ВТОРОЙ БОЕЦ. А я чо, зря закупался? Вы вааще знаете, сколько пиротехника щас стоит?

МЕДСЕСТРА. Мамочка родная, роди меня обратно.

СТАРУХА (**СТАРИКУ**). Тебе веревки не сильно давят?

СТАРИК (**кричит**). Да что здесь происходит, чёрт возьми? Кто эти ряженные?

БОЛЬШАЯ ПАУЗА.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ (**грустно**). Ну, я, возможно, и ряженный...

КОМИССАР. Заткнись, Коцюбинский. (**СТАРИКУ**.) Мы – реконструкторы.

ПАУЗА.

СТАРИК. Архитекторы, что ли?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. На каком свете живут? Дед, слышал такое слово – интернет? Между прочим, с большой буквы пишется.

СТАРИК (**СТАРУХЕ**). Никакая это не тайная военная организация. Проходимцы. Клоуны. Посмотри, что у них за оружие! – Бутафоры криворукие делали. Почему не подсказала, где очки?

СТАРУХА. Растерялась, не заметила, защитить тебя пыталась.

СТАРИК. Спасибо, защитила.

КОМИССАР (**едва сдерживая себя, сквозь зубы, очень членораздельно**). Мы занимаемся реконструкцией военных-исторических событий. Направлялись в Брестскую крепость. Там завтра... (**Посмотрел на наручные часы.**) Вернее, уже сегодня, ровно в четыре утра начнется реконструкция первого дня войны, но из-за вас, сумасшедших... А за огнестрельное оружие ответите по закону.

СТАРУХА (**заплакала**). Говорила я тебе, говорила я тебе, дураку старому: сдай, сдай, сдай в милицию! Или в шахте своей любимой утопи, на такой глубине не найдут.

КОМИССАР. Откуда у вас оружие? (**СТАРИК молчит.**)

СТАРУХА. Он охотник, охотник со стажем, у него и охотничий билет есть.

КОМИССАР. А Макаров?

СТАРУХА. Наградной, лично маршал Гречко вручал, за Синайскую войну.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Ну, Рэмбо, а не дед.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Это что за война такая – Синайская? С Синаем, что ли?

КОМИССАР (*ВТОРОМУ БОЙЦУ*). Бяша, помолчи. (*СТАРИКУ*.) А ППШ откуда? (*СТАРИК молчит.*)

СТАРУХА. Ну, чего ты молчишь?

СТАРИК. Бабка-буденовка в наследство оставила. Ей еще в гражданскую лично Буденный подарил... За взятие Царицына.

КОМИССАР (*без эмоций*). Смешно. Будешь выступать с этим номером в КВНе. Но боюсь, в милиции юмора не оценят.

СТАРИК. А ты мне не грози, не боюсь. Не таких вояк видали. Рокоссовский он! Клоун рыжий!

КОМИССАР (*бросается к СТАРИКУ, хватая на грудки и поднимает вместе со стулом*.) Что ты сказал, что ты сказал, старик? А ну повтори!

СТАРУХА (*пытается защитить мужа*). Не смейте его трогать! Он – кавалер ордена Красной звезды! У него – вьетнамский орден Дружбы народов! Лично Хошимин вручал!

СТАРИК (*зло и членораздельно*). Повторяю: клоун ряженный, паяц площадной, артист погорелого театра! Кто тебе дал право носить форму полкового комиссара Красной Армии, форму, за которую на войне фашисты расстреливали в первую очередь? Где ты её украл? С кого снял? – С полкового комиссара Фомина, расстрелянного у Холмских ворот Брестской крепости?

СТАРУХА. Не слушайте его, у него почетная грамота ВЦСПС, у него гипертония, у него ...

СТАРИК. Ты ни дня в армии не служил: у тебя портупея не через то плечо, у тебя ремень на яйцах болтается, воротничок не подшит, звездочка на фуражке – до горы ногами.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Петрович, не заводись! Убьёшь старика. У него едва душа в теле, а ты своей тушей, как танк, прёшь!

СТАРУХА. Не слушайте его, не слушайте!

МЕДСЕСТРА. Мальчики, только без рукоприкладства, а то будет, как в прошлом году на линии Сталина.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Забираем оружие и валим отсюда. На хрена нам эти неприятности? Зачем нам милиция? На мне неоплаченный штраф в 30 базовых висит за использование пиротехники в общественных местах, у меня в танке два ящика контрабандных китайских ракет и петард. Зачем мне эти приключения? Валим отсюда.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Дайте хоть галифе подсушить. В юбке не поеду.

СТАРУХА (*кричит*). У него сын-алкоголик и тунеядец!

СТАРИК. Замолчи.

ОЧЕНЬ ДОЛГОЕ МОЛЧАНИЕ.

КОМИССАР (*отпускает СТАРИКА*). Я не ряженный, дед, я – хранитель памяти. Мы все тут – хранители памяти.

СТАРИК (*показывает на ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТА*). Особенно этот.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Ничего ты не понимаешь, дед.

СТАРИК. Тут и понимать нечего. Фашистская форма – есть фашистская форма.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Времена изменились, дед. Война давно закончилась. Мы живём в другой стране.

СТАРИК. В какой другой?

КОМИССАР (*помолчав*). Для нынешних молодых – что Великая Отечественная, что война 12-го года – одинаково по барабану. Сидят в смартфонах, лайкают свои селфи да разные фейки.

СТАРИК. Что вы сказали?

КОМИССАР. Не важно. Книг не читают, только картинки смотрят, ну, на худой конец, комиксы листают. Все очень просто, если разобраться: поколение читающих сменяется поколением смотрящих и играющих. Ничего с этим не поделаешь, закон прогресса. Вот мы им

живые картинки из истории и показываем, чтобы помнили о подвиге предков, спасших страну от коричневой чумы... Разве не благородное занятие?

СТАРИК. И где та спасенная страна?

МОЛЧАНИЕ.

КОМИССАР. Себя спроси. Ты в ней дольше жил.

МОЛЧАНИЕ. КОМИССАР наливает себе водки.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Ой, как меня эта философия достала! Пойду я танк заводить. *(Уходит.)*

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Налей и мне.

КОМИССАР. Шагом марш к машине! Хватит с тебя на сегодня.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Чего ты раскомандовался, Петрович? *(Уходит.)*

СТАРИК *(тихо СТАРУХЕ)*. Какой Хошимин? Какой еще орден Дружбы народов? Нет у меня такого.

СТАРУХА. Спасала тебя, как могла.

КОМИССАР. Бяша, развяжи старика. **(ВТОРОЙ БОЕЦ выполняет приказ.)** Будешь, отец?

СТАРУХА. Ему нельзя, у него язва болит.

СТАРИК. И пусть болит.

МЕДСЕСТРА. Так уж и быть, мне налейте.

Разливают водку, посмотрев другу другу в глаза, пьют, не чокаясь.

СТАРИК. Война не закончилась.

КОМИССАР. Ну, войой, войой, дед. Только автомат твой мы конфискуем.

СТАРУХА. Одного в милицию я его не отпущу, вместе поедем. У вас в танке найдется для меня местечко?

КОМИССАР. Пусть милиция настоящих преступников ловит, а не со стариками воюет.

(Гости поднимаются с мест.) Я вот только не понял, какого чёрта вы тут живёте? Скорее, даже бомжете? Говорите, сын в городе? На что вам сдались эти заброшенные ракетные шахты?

СТАРИК. Военная тайна.

ГОЛОС ПЕРВОГО БОЙЦА *(снаружи)*. Мужики, мужики!

ВТОРОЙ БОЕЦ. Да идём, идём уже.

ГОЛОС ПЕРВОГО БОЙЦА. Мужики, мужики!

КОМИССАР. Да заводи, идём!

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ *(влетает в дверь)*. Хлопцы, нас окружают.

КОМИССАР. Бл...дь, где вы водку прячете?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ *(влетает)*. Петрович, это ОМОН, кажется! Со всех сторон атакуют!

По окнам начинают метаться полосы света, слышен рёв моторов.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Ну всё, заметут меня! Теперь административным штрафом не отделаюсь.

Уголовку пришьют.

КОМИССАР. Оружие, оружие прячь!

В этот момент по окнам начинают лупить пули. СТАРИК хватается за свой ППШ, бросается к выключателю и выключает свет.

СТАРИК. Всем на пол!

Все падают на пол. Слышен звон бьющихся стёкол и рёв моторов.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Во вляпались, ёптыбля!

МЕДСЕСТРА. Мамочки!!!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ СЦЕНА 5

Целых стёкол в окнах становится всё меньше, пальба продолжается.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Меня, кажется, подстрелили! Менты поганые! Посветите сюда.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Возьми зажигалку.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Я вам щас обоим так подсвечу! Хотите, чтобы нас всех тут уложили?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Менты, волки позорные! Я истекаю кровью! Сестричка, помоги, у меня вся голова в крови.

МЕДСЕСТРА. Я аптечку не брала с собой.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Ёфутыбля, какого тогда черта увязалась с нами, если бинтов даже нет.

МЕДСЕСТРА. Я же на праздник собиралась. Думала, как обычно: побегаем, помаршируем, салют устроим, у костра посидим, чаёк вздохматим, песни попоём.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Вот попой теперь! Пой, ласточка, пой!

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Ёптыбля...! Я ничего не вижу, глаза залиты кровью. Всё собирался сделать лазерную коррекцию. Теперь не понадобится.

МЕДСЕСТРА. Простите меня, мальчики, простите! У меня сегодня месячные! Я ничего не соображаю. Могу портянки на бинты порвать.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Иди ты на хрен, дура! Портянками она будет меня перевязывать!

Комиссар, комиссар! Петрович, падла!

КОМИССАР. Чего орёшь? Слышу.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Мужики, жене только ничего не рассказывайте. Я ей соврал, сказал, что с друзьями на рыбалку еду на два дня. Просто отвезите к подъезду и положите на лавочку.

Только юбку эту снимите. Бляяядь, и форму эту немецкую снимите. Голым положите. Нет, не кладите голым, заверните в плащ-палатку, хотя бы частично заверните. И удочку в руку вставьте. Господи, что соседи подумают?

КОМИССАР. Дед, я не понял, что ты за важная птица такая, если тебя так ОМОН штурмует.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Он не Рэмбо, похоже, он – Джеймс Бонд, агент 007. А его бабка – Мата Хари.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Это вы меня так поддержать хотите перед смертью?

СТАРИК поднимается и неторопливо направляется под градом пуль к выключателю.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Жить надоело?

ВТОРОЙ БОЕЦ. Смотри, смотри, его пули не берут.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Терминатор!

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Как там эта молитва, мать вашу?

МЕДСЕСТРА. Отче наш...

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Отче наш... Что дальше?

МЕДСЕСТРА. Да не помню я, Коцюбинский, я из БРСМа.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Отче наш, отче наш, отче наш... Сходил на рыбалку, бл...дь! Подохнуть в бабской юбке – ну что за судьба-злодейка! Отче наш, отче наш, отче наш...

СТАРИК зажигает свет, выпрямляется во весь рост. Свистят пули.

КОМИССАР. Дед, не сходи с ума! Упави! Лягай! Как там эта команда?

СТАРУХА вскакивает и хочет закрыть СТАРИКА своим маленьким телом.

СТАРУХА. Ванечка, прости меня, дуру старую, за всё прости!

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Будет всем нам братская могила, похоже. Доигрались в солдатики.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Отче наш, отче наш... Аллилуйя!!!

СТАРИК поднимает ППШ и даёт длинную очередь по окнам. Пальба стихает. МОЛЧАНИЕ. По уцелевшим стеклам стекает краска. ПАУЗА.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Тихо-то как... Я умер?

КОМИССАР (как ни в чём ни бывало поднимается, отряхивается). Я вот тоже лежал и думал: с какого такого рожна милиция вдруг нас мочить принялась? Где аргументы и факты?.. То есть улики и доказательства? (Смотрит на стол.) Я не понял, а куда Макаров делся? Дед, твоя работа? Ну, ловок старый вояка!

СТАРИК опускает автомат, устало садится за стол, наливает водку, выпивает.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Коцюбинский, ты чего такой зеленый?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Ёптыбля, покойники всегда зеленеют.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Какой ты покойник? – Набздел вокруг, как самый живой на свете. Ну у тебя и морда, Коцюбинский! Краше в гроб крадут.

МЕДСЕСТРА (*достает зеркальце*). Всё лицо в зеленке какой-то.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Вылитый Шрек.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ (*смотрится в зеркало*). Это не кровь?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Хрен тебя знает, может у тебя кровь зеленая, как у осьминога.

ВТОРОЙ БОЕЦ. У осьминога кровь синяя.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Надо «Дискавери» пересмотреть.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Мужики, я что, живой?

КОМИССАР. Живой, но водки больше хрен получишь.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. А что это было?

КОМИССАР. Я вот тоже думаю... Старик!.. Товарищ гвардии полковник, что это было?

СТАРИК. Не знаю. Опять спектакль какой-то. Инсценировка. Всё фальшивое. Патроны холостые. Да и не патроны даже. Шарики с краской. Дети какие-то...

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Ну, я этим пиз...болам, то есть страйкболистам сраным сейчас утворю...

(*Направляется к выходу.*)

КОМИССАР. Куда?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ (*поёт*). Три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой!..

Поравняю немного рельеф местности.

СТАРИК (*поднимает ППШ*). Сидеть на месте.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Я только попугаю немного сопляков. (*Пытается выйти.*)

СТАРИК. Я приказываю сидеть на месте.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ (*пытается очиститься от краски*). Они нас зеленкой по хабалу, а нам и по жопе не дать соплякам! (*ПЕРВОМУ БОЙЦУ*). Иди, Васька, заводи колымагу.

СТАРИК. Дойдете до дверей – буду стрелять.

КОМИССАР. Так, понятно. (*БОЙЦАМ.*) Сели дружно и красиво сидим. Выполняем приказы гвардии полковника. Сегодня он прав. Категорически. Во всём. Сегодня – его день, похоже.

ВТОРОЙ БОЕЦ (*с дуру шутит*). Это просто праздник какой-то!

СТАРУХА (*не уловив юмора, серьезно*). День ракетно-зенитных войск Демократической Республики Вьетнам.

КОМИССАР (*опережая общее желание*). Всем молчать, всем молчать, никаких комментариев!

СЦЕНА 6

Стук в окно. Все насторожились. КОМИССАР хватает со стола охотничье ружьё.

КОМИССАР. Кто из охотничьего умеет стрелять?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Я, вообще-то рыбак, но ради такого случая...

КОМИССАР (*бросает тому ружьё*). Держи наготове.

ГОЛОС. Простите, это – всего лишь игра, не более. Мы не хотели никого напугать, обидеть или оскорбить. Позвольте войти?

КОМИССАР. Товарищ гвардии полковник, что скажите? Вы хозяин дома, то есть казармы, то есть... (*СТАРИК молчит.*) Входите... наверное...

Через разбитые окна осторожно входят четверо одетых в камуфляжные комбинезоны молодых людей с пневматическими автоматами в руках, озираются, изучая ситуацию. Их лиц под «балаклавами» не разглядеть. СТАРИК крепко сжимает ППШ.

КОМИССАР. Вы кто?

ЦЕНТУРИОН. Вот тебе и здарсьте! Сразу и в лоб! А стволов-то сколько!

КОМИССАР. Неизвестные гости обычно представляются.

ЦЕНТУРИОН. Люблю конкретных, сам такой. На прямой вопрос – прямой ответ: военно-патриотический легион спасения родины.

РЕКОНСТРУКТОРЫ заливаются смехом. СТАРИК не реагирует.

ЦЕНТУРИОН. Я сказал что-то смешное?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Спектакль продолжается, но фантазия, похоже, драматургу отказала. Легион либеральный или социальный?

ЦЕНТУРИОН. Можно короче – «Чистый легион».

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Похоже на название прачечной.

ЦЕНТУРИОН. Может быть, может быть... Насколько я понимаю, стреляли боевыми?

СТАРИК не отвечает, внимательно изучая пришельцев.

КОМИССАР. Некоторым образом... боевыми.

ЦЕНТУРИОН. А если бы попали?

КОМИССАР. Вряд ли... бы... В нашей батарее опытный наводчик.

СТАРИК молчит. Все смотрят на него. Особенно пристально – ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР.

СТАРУХА. Ваня, с тобой всё в порядке? Дать каптоприл?

ЦЕНТУРИОН. Если бы срикошетило?

КОМИССАР. Ваш легион бы поредел.

ЦЕНТУРИОН. У нас есть официальное разрешение...

КОМИССАР (*перебивает*). У нас тоже.

ЦЕНТУРИОН. Стрелять боевыми?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Есть техническая документация на танк. У меня права тракториста.

ЦЕНТУРИОН. Это должно быть смешно?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. У него специфическое чувство юмора. Почти немецкое.

ЦЕНТУРИОН. А вы – кто?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Коцюбинский.

ЦЕНТУРИОН. Понятно.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Что понятно?

ЦЕНТУРИОН. Что Коцюбинский. А почему зеленый?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Это вы меня спрашиваете?

ЦЕНТУРИОН. Простите.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Что простите?

ЦЕНТУРИОН. Другой краски сегодня не было.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Вот это уж точно – смешно, так смешно.

МЕДСЕСТРА. Ой, пи...ец какой-то.

ЦЕНТУРИОН. Вы про наш разговор?

МЕДСЕСТРА. Месячные у меня.

ЦЕНТУРИОН. Тогда понятно.

МЕДСЕСТРА. Что вам понятно?

ЦЕНТУРИОН. Понятно, что пи...ец.

МОЛЧАНИЕ.

КОМИССАР. Могу внести определённую ясность в нашу беседу?

ЦЕНТУРИОН. Нашу?

КОМИССАР. Ну, вашу беседу.

ЦЕНТУРИОН. Вносите.

КОМИССАР. Благодарствую. Слышь ты, молокосос, чего выё...ваешься, как муха на стекле?

Чего вырядились, как зомби? Какого хера тут надо?

ЦЕНТУРИОН. Неожиданный поворот дискуссии. А вы, простите, из какой самодеятельности?

В какой костюмерке вырядились?

КОМИССАР. Фамилия как?

ЦЕНТУРИОН. А ваша, уважаемый?

КОМИССАР. Рокоссовский.

ЦЕНТУРИОН. Тогда моя – Македонский.

КОМИССАР. А если в пятак?

ЦЕНТУРИОН. Попробуй... те.

КОМИССАР. Храбрые ребята.

ЦЕНТУРИОН. Ципа того.

МОЛЧАНИЕ. Все смотрят на СТАРИКА, тот недвижим.

КОМИССАР. Товарищ гвардии полковник...

СТАРУХА. Не тревожьте, он отдыхает.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Ушел в нирвану и не вернулся.

ЦЕНТУРИОН. Забавный дедуля. В честь какого праздника он так накрахмалился?

СТАРУХА. По случаю годовщины ракетно-зенитных войск Вьетнама... Который демократический... На севере который...

ЦЕНТУРАОН. Интересно, вы каждый раз с таким фейерверком его отмечаете?

ВТОРОЙ БОЕЦ. Ну, до фейерверка мы ещё не дошли.

ЦЕНТУРИОН. Значит, это только разминочка? Интересно, какой будет апофигей торжества?

(Пощелкав кнопкой на столе.) Это что?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Мы не в курсах. Это дедова железяка.

СТАРУХА. Кнопка запуска межконтинентальной баллистической ракеты.

ЦЕНТУРИОН. Какой ракеты?

СТАРУХА. Р-12У — «Двина».

СТАРИК *(очнулся)*. Нет.

ЦЕНТУРИОН. Что нет?

СТАРИК. Р-14У — «Чусовая».

СТАРУХА. Ты же говорил, «Двина».

СТАРИК. Я говорил — «Чусовая».

СТАРУХА. Нет, «Двина».

СТАРИК. На «Двине» я служил под Поставами. А это — от «Чусовой».

СТАРУХА. Я что, по-твоему, совсем склеротичка? Ты же сегодня всё утро дурил мне голову.

СТАРИК. Ты, как всегда, меня не слушала, всё о сынке своём думала.

СТАРУХА. О нашем сынке! А о чём я должна думать? О арабо-израильской войне? Или выборах в бундестаг?

ЦЕНТУРИОН. Позвольте поинтересоваться: вы тут собираетесь ядерную ракету запустить в честь праздника?

КОМИССАР. Слышь, шутник-самоучка, тебе чего тут надо?

ЦЕНТУРИОН. Мне надо?

КОМИССАР. Что вы тут за Варфоломеевскую ночь устроили? Все стекла переколотили. Между прочим, тут живут ветераны войны.

ЦЕНТУРИОН. Какой войны?

КОМИССАР. Не важно какой войны.

ЦЕНТУРИОН. Живут? Здесь? В заброшенной казарме?

КОМИССАР. А не видишь?

ЦЕНТУРИОН. Вы тоже ветераны? Великой Отечественной, судя по форме? А этот ваш...

Коцюбинский — ветеран Гитлерюгенда, надо полагать?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Оставьте вы меня в покое. Все оставьте. Как я с такой мордой к жене заявлюсь?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Простит, на рыбалке чего только не случается.

В окне появляется еще один легионер, о чём-то кивает ЦЕНТУРИОНУ.

ВТОРОЙ БОЕЦ. О, еще один морпех явился! Сколько там этих черепашек-ниндзя?

ЦЕНТУРИОН. Вы к ветеранам в качестве охраны приставлены или проездом?

КОМИССАР. А тебя как больше устроит?

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР (*молчавший до этого момента, громко, членораздельно и агрессивно*).

А нас больше устроит, чтобы ваша нога сюда больше никогда не ступала. А эти (*Кивок в сторону СТАРИКОВ.*) вообще исчезли с лица земли.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Товарищ комиссар, может, самое время пальнуть?

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР (*подходит вплотную и упирается грудью в дуло*). Время, может быть, и подходящее, только у вас, оберштурмбанфюрер Штирлиц, боёк не взведён.

ОБЕР-ЛЕЙТАНАНТ бросается устранять оплошность, но двое ЛЕГИОНЕРОВ успевают выхватить у него ружье.

ОБЕР-ЛЕИТЕНАНТ. Палец, палец, ёптыбля! (*Своим.*) Чего пялитесь, я предупреждал, что я больше по рыбалке сщц.

ВТОРОЙ ЛЕГИОНЕР (*осматривая ружьё*). Да оно и не заряжено.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Это что за дела, дедуля? (*СТАРИК МОЛЧИТ.*)

СТАРУХА. По уставу боеприпасы должны храниться в отдельном, сухом, прохладном и хорошо охраняемом помещении. Я правильно сказала, Ваня?

ВТОРОЙ ЛЕГИОНЕР. И где же это помещение? (*СТАРИК молчит.*)

СТАРУХА. Военная тайна. Я правильно отвечаю, Ваня?

КОМИССАР. Да я вас голыми руками передавлю, щенки!

ВТОРОЙ БОЕЦ. Петрович, только без рукоприкладства. А то будет, как в прошлый раз.

МЕДСЕСТРА. Андрей Петрович, напоминаю: я без аптечки, даже пластыря нет.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Всё-таки, надо было мне проутюжить их квадроциклы. Зря вы меня остановили.

ПЕРВЫЙ ЛЕГИОНЕР. Мы позаботились о вашем транспорте, он больше не заведётся.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Что? Что вы сделали?

ПЕРВЫЙ ЛЕГИОНЕР. Ничего особенного, просто слили солярку.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Суки, суки, суки! Связи нет, солярки нет! Петрович, это что такое получается?.. Чего ты молчишь, как рыба об лёд? Командуй, раз взялся, стратег хренов!

КОМИССАР. А кто решил свернуть с маршрута?

ВТОРОЙ БОЕЦ. Вот это повеселились мы сегодня!

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Лучше бы я на рыбалку пошел.

МЕДСЕСТРА. Ой, мальчики... Ой, мамочки...

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Что?

МЕДСЕСТРА. Ой, всё...

КОМИССАР. Слышь, пацан, а на каком основании ты тут права качаешь?

ЦЕНТУРИОН. На основании права первооткрывателя.

КОМИССАР. Чего-чего?

ТРЕТИЙ ЦЕНТУРИОН. Ну, или завоевателя. (*ЦЕНТУРИОН бросает на него косой взгляд.*)

КОМИССАР. Завоевателя чего?

ЦЕНТУРИОН. Завоевателя этой территории.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Опаньки, как весело!

ЦЕНТУРИОН. Мы здесь давно обосновались. Нам очень нравится эта зона: далеко от людских глаз, пересеченная местность, масса искусственных препятствий, со всех сторон колючая проволока. Прекрасный полигон для тренировок и учений. Восстановили электризуемое ограждение. 1650 вольт, как в советское время, не смогли, но полагали, что 380-ти будет достаточно, чтобы мышь не проскочила. Не угадали. Жаль, что пострадали ворота КПП, но мы их быстро восстановим. Повезло вам, что на танке. А вот каким образом эти (*Показывается на СТАРИКОВ.*) здесь оказались – большой вопрос.

КОМИССАР. Слышь, щенок... Как там тебя?

ЦЕНТУРИОН. Если не устраивает Македонский – называйте проще: Центурионом.

КОМИССАР. А Цезарем тебя не назвать? Или Сципионом африканским?

ЦЕНТУРИОН. Ух ты, какие познания, какой интеллектище! Что за черножопый скорпион такой?

КОМИССАР. Потом загуглишь, здесь интернет не тянет.

ЦЕНТУРИОН. С каких это пор в президентской бурсе стали преподавать историю Древнего мира? Я думал, там только идеологией башку забивают. Растет юная дегенерация руководителей, развивается!

КОМИССАР. А что, похож?

ЦЕНТУРИОН. Еще бы – на толстой морде так и написано: БРСМ, последняя стадия. Готов руководить всем, чем угодно – от колхоза до консерватории.

КОМИССАР. И за консерваторию ответишь, и за толстую морду.

ЦЕНТУРИОН. Руки короткие. Здесь тебе не исполком, здесь наша территория.

КОМИССАР. В стране порядок навели, и здесь наведём.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Для начала вам отсюда выбраться нужно. А это будет, ой, как непросто.

ЦЕНТУРИОН (*ТРЕТЬЕМУ ЛЕГИОНЕРУ*). Спасибо, но мне пресс-секретари не нужны. Сам как-нибудь справлюсь.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЛЕГИОНЕР. Что вы сегодня...

ЦЕНТУРИОН. Не встречай. (*КОМИССАРУ*). Здесь ваша власть не действует, здесь наши законы. Место глухое, надежное. Бандиты в ракетные шахты много конкурентов сбросили в девяностые годы.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Это ты типа угрожаешь нам, Цезарь прыщежопый?

ЦЕНТУРИОН. До Цезаря не дорос, но всё возможно. Пока меня устраивает быть Центурионом.

КОМИССАР (*показывает на сотоварищев ЦЕНТУРИОНА*). Не маловат легиончик?

ЦЕНТУРИОН. А кто сказал, что это весь легион? Остальные подтянутся к утру.

КОМИССАР. И что?

ЦЕНТУРИОН. И всё.

Тяжелое МОЛЧАНИЕ.

КОМИССАР (*своим подчиненным*). Встаём и уходим. За танком утром вернемся. С милицейским подкреплением. (*СТАРИКУ*). Ты, отец, ничего не бойся. Что они со своей мягкой пневматикой тебе сделать могут? Скоро мы вернёмся. Продержишься. С твоим-то опытом! И со стволом!

ЦЕНТУРИОН. С чего вы взяли, что у нас только пневматика?

ЛЕГИОНЕРЫ выхватывают боевые ножи и одновременно всаживают лезвия в столешницу. РЕКОНСТРУКТОРЫ пятаются – их исторически точные штыки явно проигрывают в боевых качествах современному холодному оружию. СТАРИК остаётся недвижим. Тяжелое МОЛЧАНИЕ.

СТАРУХА. Ваня, ты живой? Чего молчишь?

СТАРИК. Я думаю.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Нашел время думать! Тут действовать надо.

КОМИССАР. Ты уже надеялся, Василий! Молчи!

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Ребята... Пацаны... Мужики... Как вам больше нравится? Это уже становится не смешно. Мы – взрослые люди, у нас семьи, жены.

МЕДСЕСТРА. У меня – мама, например.

ВТОРОЙ БОЕЦ. А у меня нет мамы?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Я на рыбалку собирался, я случайно здесь. Я вообще хохол, если уж на то пошло, мне эти ваши белорусские разборки – по барабану.

СТАРУХА. Люди добрые, успокойтесь. Может я еще картошки почищу?

СТАРИК. Я вас оставлю на некоторое время. (*Встаёт.*)

ЦЕНТУРИОН. Куда собрался? Разве было разрешение?

СТАРИК (*поднимает ствол автомата*). А мне ничё разрешение не требуется. Я у себя дома. Слышите – дома!

ПЕРВЫЙ ЛЕГИОНЕР. Старик, мы с тобой нигде не встречались?

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР становится за спиной ПЕРВОГО, пристально смотрит на СТАРИКА.

СТАРИК. Все старики похожи.

ПЕРВЫЙ ЛЕГИОНЕР. Не знаю, насколько похожи, но пахнут все одинаково – отвратительно. Когда в бане был? Бомжом воняешь.

ЦЕНТУРИОН. Куда собрался, спрашиваю?

СТАРИК. В сортир. (*СТАРУХЕ.*) Возьми фонарь, посветишь дорогу.

СТАРИК со СТАРУХОЙ уходят.

СЦЕНА 7

ПЕРВЫЙ ЛЕГИОНЕР (*ЦЕНТУРИОНУ*). Пойти за ними?

ЦЕНТУРИОН. Не убегут, бежать некуда.

МЕДСЕСТРА. Можно мне тоже выйти.

ЦЕНТУРИОН. Это ещё куда?

МЕДСЕСТРА. Мне очень надо. Мне по-женски...

ПЕРВЫЙ ЛЕГИОНЕР преграждает дорогу.

ЦЕНТУРИОН. Начинай, Тарантино.

ВТОРОЙ ЛЕГИОНЕР достаёт айфон и начинает снимать притихших РЕКОНСТРУКТОРОВ.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. На ютюб сольёшь?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ (*закрываясь*). Я сегодня не фотогеничен.

КОМИССАР. Что дальше? На колени поставите и глотки нам будете резать, как игловцы?

ЦЕНТУРИОН. Есть и другие варианты. Могу предоставить вам право выбора.

МЕДСЕСТРА (*расплакалась*). Мальчики, мне так плохо.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Девушку хоть не пугайте.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ (*КОМИССАРУ, очень тихо*). Кажется, пора.

КОМИССАР (*очень тихо, только для своих*). По моей команде занять круговую оборону...

(*Кричит*). К бою!!! В штыковую готовьсь!!!

РЕКОНСТРУКТОРЫ вскакивают на ноги. Сгрудившаяся кучка из троих красноармейцев, плачущей медсестры и одного «позеленевшего» немца в юбке оцетинивается штыками. ЛЕГИОНЕРЫ не могут сдержать смеха, бросаются снимать эту картину на смартфоны.

ЦЕНТУРИОН (*едва не ползая от смеха по полу*). Картина Репина: «Оборона Сталинграда».

Снимай, Тарантино, снимай.

ВТОРОЙ ЛЕГИОНЕР. Лучшая военно-патриотическая реконструкция всех времён и народов!

ПЕРВЫЙ ЛЕГИОНЕР. Немца, немца в кадр бери! Ну и рожа! Чистый Шрек!

ВТОРОЙ ЛЕГИОНЕР. Комиссар жжёт! Ну и жжёт комиссар!

ПЕРВЫЙ ЛЕГИОНЕР. Сколько страсти! Какой артистизм! Какой патриотизм в глазах!

ЦЕНТУРИОН. Будет крутейший ролик. Миллион просмотров наберёт – гарантирую!

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Девку, девку захвати. Крупным кадром бери! Зою Космодемьянскую ведут на расстрел!

РЕКОНСТРУКТОРЫ растеряны и не понимают, как реагировать на происходящее.

ЧЕТВЁРТЫЙ ЛЕГИОНЕР (*злобно и спокойно*). Отойди от неё. Оставь её.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Ты чего? Это же такое стебало!

ЧЕТВЁРТЫЙ ЛЕГИОНЕР. Я говорю – отвали от неё, дебил недоношенный! *(Бьёт по смартфону – тот падает и разбивается.)*

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Идиотка бешенная!

ЧЕТВЁРТЫЙ ЛЕГИОНЕР *(стягивает «балаклаву», под ней – женская голова)*. Меня задолбала эта дебильная игра.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Ты знаешь, сколько мой смартфон стоит?

ЛЕГИОНЕРША. Насрать.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Слушай, курва крашенная, ты нам всю игру обосрала. Центурион, какого хрена ты её за собой таскаешь. Нравится тёлка – трахайтесь, сколько угодно, но зачем она здесь?

ЦЕНТУРИОН *(бьёт ТРЕТЬЕГО ЛЕГИОНЕРА под дых)*. Про мою женщину – ни полслова больше.

ЛЕГИОНЕРЫ прячут смартфоны. РЕКОНСТРУКТОРЫ опускают штыки.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Тьфутыбля! Было бы чем, второй бы раз обосрался.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Ничего не понимаю.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Чёрт меня дернул с тобой, Коцюбинский, наркот долбанный, выпить на дорогу. Сидели бы сейчас в Бресте, песни орали у костра в крепости. Или по Советской бы гуляли: в каждом баре – по сто грамм. Красному бойцу всегда на халяву нальют. *(Почти кричит.)* Как я за танк с музеем объясняться буду?

КОМИССАР. Игра окончена, насколько я понимаю? Подъём! Сваливаем.

РЕКОНСТРУКТОРЫ поднимаются и начинают собираться. ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР оттаскивает ЦЕНТУРИОНА в сторону.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР *(тихо)*. Что происходит? Ты дашь им просто так уйти?

ЦЕНТУРИОН. А ты предлагаешь?..

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Как обычно!..

ЦЕНТУРИОН. Это не бомжи с помойки.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Хватку теряешь. Если отпустишь – «Легиону» конец! Думай,

Центурион, думай... *(Отходит.)*

ЦЕНТУРИОН *(после паузы)*. Покинете поле боя проигравшими? Разве советские бойцы имели право так покидать поле сражения? Заградительного отряда не боитесь? Ау, товарищ Берия! Здесь ваши клиенты – дезертиры просят огня.

КОМИССАР. Чего еще надо?

ЦЕНТУРИОН. Довести игру до конца. Или вам засчитается поражение. Со всеми вытекающими последствиями.

КОМИССАР. Какими еще последствиями?

ЦЕНТУРИОН. Неужели не догадываетесь?

КОМИССАР. Который час? Или часы тут тоже не идут?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Что-то показывают. Но я уже ни в чём не уверен.

КОМИССАР. Сколько там?

ПЕРВЫЙ ЛЕГИОНЕР. Четвертый час.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Время демонов.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. У меня время демонов часа три назад началось.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Сам ты демон, Коцюбинский, алкогольный демон. Больше я с тобой – ни капли. И на рыбалку – не зови.

КОМИССАР *(толи поёт, то ли бурчит)*. 22-го июня ровно в четыре часа... Голова совсем не работает.

ЦЕНТУРИОН. Значит, самое время подумать о последствиях.

КОМИССАР. Ну и?

ЦЕНТУРИОН. Кино снято. Осталось пленку проявить – и в прокат.

КОМИССАР. Ну?

ЦЕНТУРИОН. Великая штука интернет. А в твоём исполкоме юмор понимают?

МОЛЧАНИЕ.

КОМИССАР. Ну и сука!

ЦЕНТУРИОН. Дошло, значит. Да, пятно на биографии случится агромадное. После такого конфуза – только отсталый колхоз, филармония отменяется.

КОМИССАР. Убью, сучий потрох!

ЦЕНТУРИОН. Согласен!

КОМИССАР. Что согласен?

ЦЕНТУРИОН. Сойтись в равном бою и даже погибнуть. Бодрова любишь?

КОМИССАР. Не понял.

ЦЕНТУРИОН. Сыграем?

КОМИССАР. Во что?

ЦЕНТУРИОН. Ну, в домино или карты – это пошлость! Мы люди современные, играющие в высокоинтеллектуальные игры, живущие в почти виртуальной реальности...

КОМИССАР. Коцюбинский, у тебя водка осталась? Дай мне сто грамм, а этому – в морду.

ЦЕНТУРИОН. Насколько понимаю, вы согласны?

КОМИССАР. На что согласен?

ЦЕНТУРИОН. Сыграть с нами.

КОМИССАР. Во что, чёрт подери?

ЦЕНТУРИОН. В игру.

КОМИССАР. В какую, ёб вашу трижды по черепу, да по крышке гроба мать, игру???

ЦЕНТУРИОН. В «Последнего героя».

МОЛЧАНИЕ.

КОМИССАР (*сухо*). Обхохочешься.

ЦЕНТУРИОН. А, по-моему, красиво: «Красный батальон» против «Чистого легиона».

Клянусь – играть будем «по чесноку».

КОМИССАР. И что в качестве главного приза?

ЦЕНТУРИОН (*членораздельно*). Честь. Достоинство. И незапятнанная интернет-скандалами биография будущего политического лидера. Разве мало?

МОЛЧАНИЕ.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Так, ёб вашу мать, с меня на сегодня довольно, наигрался. А вы тут играйте во что хотите: в «Последнего героя», в «Русского ниндзя», в «Форт Боярд»! Точно, пора «зашиваться». Где моё галифе?

ПЕРВЫЙ ЛЕГИОНЕР. Бздит фашист.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ (*бросается на ЦЕНТУРИОНА*). Я тебе за фашиста пасть порву!

ПЕРВЫЙ ЛЕГИОНЕР (*бросается наперерез*). Юбку подтяни, оберштурмбанфюрер.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Я – обер-лейтенант, ёб вашу мать!

КОМИССАР. Коцюбинский, прекратите материться и соблюдайте устав!

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Слышь, Андрей, сука, Петрович, я к тебе не нанимался холуем, чтобы ты на меня орал. В исполкоме своём ори. Строй своих идеолухов, а я птица свободная, как... гоголь.

КОМИССАР. Последний раз с нами поехал, клянусь.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Да на х...й ты мне сдался! К французам в следующий раз поеду, на реконструкцию высадки союзников в Нормандии. Уже дважды приглашали. Шенген открывают бесплатно, hostel предоставляют всего за 10 евро. А с тебя какая прибыль? – Почетная грамота и пончик?

ЦЕНТУРИОН. Мы играем или нет?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Сейчас выясню. Коцюбинский, ты за красных или за белых?

ВТОРОЙ БОЕЦ. Сегодня он – за зеленых.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. О, и у тормозов юмор прорезался!

МЕДСЕСТРА. Причем здесь Гоголь?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ (*орёт*). Хохол потому что!

КОМИССАР. В следующем году возьму в Берлин на 9 мая.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Врёшь.

КОМИССАР. Нас каждый год побратимы с Зееловских высот приглашают. Совершенно бесплатно.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. На халяву, то есть.

МЕДСЕСТРА. Я три раза уже ездила. В Трептов-парке совместный митинг, глнтвейн бесплатный. Мне Берлин нравится. Особенно «Sony-центр», недалеко от Рейхстага, там постоянно распродажи. Я маме оттуда всегда что-нибудь привожу.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ (*КОМИССАРУ*). Кто тут пьяный – я или ты? В Бодрова решил поиграть, Петрович? – На здоровье, воюй, стратег! А мы с Васей и Бяшей честно дезиртируем. Где моё галифе?

КОМИССАР. Если откажемся – они нас прямо здесь и положат. Посмотри на их ножи! Они молодые, тренированные, в рукопашном бою наши шансы – нулевые.

ПЕРВЫЙ БОЕЦ. Я не понимаю, чего Старик в кому впал? Сидит, как отмороженный, со своим ППШ...

КОМИССАР. Мутит, что-то мутит Старик.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Он мутит, эти мутят, ты мутишь ...

МЕДСЕСТРА. Слушайте, слушайте, Андрея Петровича, у него всегда есть план.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Твоих советов еще не хватало.

КОМИССАР. Надо тянуть время. Всеми возможными способами.

МЕДСЕСТРА. Правильно, я тоже так считаю.

КОМИССАР. Что-нибудь придумаем по ходу дела.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Ну-ну... Где галифе?

ПЕРВЫЙ БОЕЦ (*ЛЕГИОНЕРАМ*). Мы согласны.

КОМИССАР. Когда это всё кончится, попрошусь переводом в отдел по борьбе с молодежью.

ЦЕНТУРИОН (*смотрит за окно*). Уже светать начинается. Начнём с рассветом.

КОМИССАР. Какие правила?

ЦЕНТУРИОН. Правила?.. Бери пару человек, пойдём, на местности обсудим.

КОМИССАР. Коцюбинский и Наталка оставайтесь тут, остальные за мной.

ЛЕГИОНЕРША. Мне с тобой?

ЦЕНТУРИОН. Отдохни пока. (*ЛЕГИОНЕРАМ*.) Пошли на воздух.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Я тут останусь.

ЦЕНТУРИОН. Не понял.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Справитесь без меня.

ЦЕНТУРИОН. У нас вылутился второй центурион?

ЛЕГИОНЕРША. Что вы всё время цапаетесь сегодня?

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Её возьми. (*Членораздельно*.) А я останусь здесь.

ЦЕНТУРИОН. Зачем?

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Дело есть одно... Важное...

ЦЕНТУРИОН. Мутишь... Ну-ну... Где дед? Провалился в выгребную яму, что ли? (*Своим*.) Пошли.

КОМИССАР. Господин обер-лейтенант, наденьте, наконец, портки.

В казарме остаются четверо.

СЦЕНА 8

МЕДСЕСТРА. Мне надо. По-женским... (*Уходит в глубину казармы*.)

Немая сцена. ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ с трудом натягивает всё еще влажное галифе. Ругаясь, оттирает от краски лицо. ЛЕГИОНЕРША закрыла глаза, прислонившись к стене. ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР ходит туда-сюда, брезгливо разглядывая стариковский скarb. Останавливается перед фотографией, висящей на стене, подсвечивает её фонариком.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Что это за киргизы?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Это не киргизы.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Таджики?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. И не таджики.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. На афганцев вроде не похожи. Где это воевал старик?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Во Вьетнаме.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Вот Советы! Не знал, что они и с Вьетнамом воевали.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ *(саркастично)*. О, сколько нам открытий чудных...

ГОЛОС КОМИССАРА *(за окном)*. Коцюбинский, где ты там копаешься?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ *(поднимается)*. В мокрых штанах, ёксель-моксель, в мокрых штанах!

Пошли, Наталка. Я твоё состояние понимаю, как никто.

МЕДСЕСТРА. Надо поддержать Андрея Петровича, ему всегда достаётся больше других, на нём – главная ответственность. Не нужно с ним ругаться, он хороший человек. Только похудеть немного нужно. Он настоящий патриот. *(Выходит.)*

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Вот уж мне эта любовь-морковь военно-полевая... *(Выходит.)*

ЛЕГИОНЕРША отрешенно сидит, прислонившись к стене. ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР бросает и бросает нож в плакат с самодельным изображением советского солдата.

СТАРИК возвращается, оценивает обстановку, садится на прежнее место, не выпуская из рук ППШ. СТАРУХА останавливается в дверях.

СТАРУХА. А где остальные?

СТАРИК. Во всё нужно нос сунуть! Без тебя разберутся.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР садится напротив СТАРИКА, проводит по столу рукой, сбрасывая на пол алюминиевую солдатскую посуду. СТАРИК не реагирует.

ТРАТИЙ ЛЕГИОНЕР. Узнал?

СТАРИК. Узнал.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Даже по голосу узнал. *(Обладатель ПЕРВОГО ГОЛОСА снимает балаклаву.)* Молодец, дед.

СТАРИК. На память не жалуюсь.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Дожалелся? Сам в бомжа превратился? Заразная это, оказывается, болезнь – бомжевание. А я ведь предлагал заняться радикальным лечением, но не был услышан. *(Оглядывает казарму.)* Вот, оказывается, куда любовь к падшим может завести. Результат сочувствия и сострадания на лице, так сказать. И старухи своей не жалко.

Превратил и её в мусор.

СТАРУХА. Ваня, кто это?

СТАРИК. Один знакомый. Один хороший старый знакомый.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Но даже на дне жизни – при оружии! Человек с ружьём!

СТАРИК. По уставу солдат обязан в совершенстве знать и иметь всегда исправное, готовое к бою, вычищенное оружие.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Воюем, значит? Всегда на страже? Кого, чего на сей раз защищаем? Разграбленный мародёрами военный объект? Затопленные ракетные шахты? Развалины советской империи?

СТАРИК. Память.

МОЛЧАНИЕ.

СТАРУХА. Ваня, я не поняла, куда весь народ пропал?

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Куда народ, говоришь, пропал?.. Скоро узнаешь, бабка. Не торопись. Кто понял жизнь – тот не спешит. **(СТАРИКУ.)** Память, значит?.. Всё это – лирика, так сказать: ваниль, «сюси-пуси розовые сопли». Жаль, дед, что ты меня тогда не услышал. Может быть, сейчас?

СТАРИК. Что нового может мне сказать мальчик, толком не живший на свете?

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Вот все вы такие, старики. Не хотите слушать молодых. А ведь стоило бы. Будущее, как вам это и не нравится, – за нами. И мы перепишем историю под себя, вычеркнув вас, как мусор. Как биомусор.

СТАРИК. Какое будущее? С кровью на руках?

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Ну, кому-то приходится пачкать руки, чтобы земля стала чище. Кому-то нужно убирать дерьмо, чтобы дышалось легче. Кому-то нужно сносить развалины и хибары, чтобы построить на их месте небоскрёбы. Кому-то нужно быть чистильщиком, освобождать землю от ненужного хлама. Закон жизни. Было ваше время – вы под себя зачищали страну, теперь настало наше время... Лев, завоевав прайд, убивает всех львят, чтобы оплодотворить своим семенем львиц и начать новую историю.

СТАРИК. Это вы-то львы? Вы – гиены, грызущие падаль.

МОЛЧАНИЕ.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Гиены, говоришь? Ну, гиены умеют отбирать добычу у льва. **(Про гамбургеры, лежащие на столе.)** Не отравили твои коммунаки? Тогда я подкреплюсь. Охота предстоит долгая. **(Откусывает.)** Бойся меня, старик. Следующий ход – за мной. **(Ожесточённо кидает нож в висящий на стене армейский плакат с цитатами из воинского устава.)**

Входит ЦЕНТУРИОН.

ЦЕНТУРИОН **(громко)**. Пошли. Первый этап – шахта.

СТАРИК. Какая шахта?

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Сиди, сторож. Охраняй «объект». А то вдруг сбежит.

ЛЕГИОНЕРША **(ЦЕНТУРИОНУ)**. Ты всё взвесил?

ЦЕНТУРИОН **(отводит в сторону, тишиит)**. Мы знаем базу, как свои пять пальцев.

ЛЕГИОНЕРША. Ты уверен?

ЦЕНТУРИОН. Что с тобой сегодня, Марго? Почему без настроения?

ЛЕГИОНЕРША. Недоброе чувствую.

ЦЕНТУРИОН. Ты просто не выспалась. Всё будет окейно. **(ТРЕТЬЕМУ ЛЕГИОНЕРУ.)** Поднимай задницу.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Сами разберётесь.

ЦЕНТУРИОН. Не понял.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Что ты не понял? **(Тихо, с напором.)** Я всё сделал. Шахты подготовлены, остальное – дело техники, справитесь. Нужно здесь одну проблему решить.

ЦЕНТУРИОН. Много себе позволяешь.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Не больше, чем ты.

ЦЕНТУРИОН. Я сказал...

ЛЕГИОНЕРША **(ЦЕНТУРИОНУ)**. Оставь его, пошли.

ЦЕНТУРИОН. Ну-ну...

ЦЕНТУРИОН с ЛЕГИОНЕРШЕЙ выходят.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР **(выдержав паузу)**. Ладно... **(СТАРИКУ.)** С тобой – потом... **(Быстро выходит.)**

СТАРУХА. Всё хорошо?.. Чего молчишь?.. Куда все ушли?

СТАРИК **(зло)**. Помолчи.

Толкаясь и матерясь, ЛЕГИОНЕРЫ заносят искалеченное тело ПЕРВОГО ЛЕГИОНЕРА.

СТАРИК (*очень тихо*). Один ноль.

Появляются РЕКОНСТРУКТОРЫ с телом ПЕРВОГО БОЙЦА.

СТАРИК. Даже два ноль.

СТАРУХА. Что ты сказал?

СТАРИК (*неожиданно зло*). Говорю, солнце скоро. Люблю восход.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ (*над телом ПЕРВОГО БОЙЦА*). Его кто-то из ваших подтолкнул.

ЦЕНТУРИОН. Никто его не толкал. Пить надо было меньше. (*Отводит в сторону ТРЕТЬЕГО, злобно шипит*). Ты когда крючья проверял, Третий?

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Не понимаю, что случилось...

ЦЕНТУРИОН. Ты сказал, что головой ручаешься...

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Что за наезды? Вербки были булинем связаны, плюс двойной страховочный! Жумары были проверены. Мы по этому маршруту сто раз дюльфером спускались, никаких эксцессов. Может быть, эти... (*Кивает на РЕКОНСТРУКТОРОВ*.)

ЦЕНТУРИОН. Слышь, красноармейцы!

КОМИССАР (*подслушивавший разговор*). Я ни одного слова из сказанного не понял, но мы играли по правилам.

ВТОРОЙ ЛЕГИОНЕР. Но почему-то наш сорвался.

ЛЕГИОНЕРША (*кричит*). У меня было, было плохое предчувствие.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР (*ЦЕНТУРИОНУ*). Угомони ты свою бабу, наконец.

ЦЕНТУРИОН. Ни слова про неё.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. В конце концов, это была ваша идея – на скорость спускаться в ракетную шахту.

ЛЕГИОНЕРША. На нем живого места нет, все кости переломаны.

ВТОРОЙ ЛЕГИОНЕР. Естественно! Упасть с высоты восьмизэтажного дома!

МЕДСЕСТРА. Даже перевязать нечем. Почему я такая раззява?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Зачем их перевязывать? Они же трупы!

МЕДСЕСТРА. Чтобы выглядели лучше.

ЛЕГИОНЕРША. Я тебя предупреждала. Я гороскоп смотрела. У меня видение было.

ЦЕНТУРИОН. Марго, ты просто устала. А эти долбо... сами виноваты.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Жалко Васю.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Его толкнул кто-то из ваших.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР (*перебивает, членораздельно*). Его никто не толкал. И ты ничего не мог видеть в темноте...

ВТОРОЙ ЛЕГИОНЕР. И вообще, какого хрена он полез за нашим трупом?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Васе всегда нужно было больше всех, всегда лез поперек батьки в пекло, человек такой он... был.

МЕДСЕСТРА. Что мы Васиной жене скажем?

КОМИССАР. Хватит причитать, дура. (*ЦЕНТУРИОНУ*.) Игра окончена.

ЦЕНТУРИОН (*зло и громко*). Игра только начинается.

МОЛЧАНИЕ.

КОМИССАР. Два трупа мало?

ЦЕНТУРИОН. Даже на производстве случаются травмы.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Ничего себе травмы! На них живого места нет, все кости переломаны.

ЦЕНТУРИОН. Сами виноваты, нужно было лучше проверять страховку. С кем не бывает. У альпинистов – рядовое ЧП.

ПАУЗА. Все переглядываются.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ (*зло ЦЕНТУРИОНУ*). Я уже понял, что твои люди для тебя – мусор. Но Вася в чём виноват? Он просто полез вытаскивать пострадавшего, вашего пострадавшего, между прочим. Он даже имени его не знал, а полез. И мне показалось...

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Пить меньше нужно, господин оберштурмбанфюрер. Тогда и казаться не будет. Ваш Вася грубо нарушил правила техники безопасности. Правильно, старик?.. Чего молчишь? Что там большими красными буквами написано? – «Спускаться в шахту одному человеку строго запрещено».

ВТОРОЙ БОЕЦ. Почему? (*СТАРИК молчит, опустив голову.*)

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Дед, язык проглотил?

СТАРИК (*монотонно, в пол*). Потому что на дне возможно скопление газов от гептила.

КОМИССАР. Слышь, дед, откуда ты такой умный взялся? Всё-то ты знаешь. Откуда?

СТАРИК. Военная тайна.

ЛЕГИОНЕРША. Куда их теперь?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Я Васю не брошу. Нужно похоронить по-человечески, по-христиански.

СТАРИК (*берёт себя в руки*). В бункере есть морг.

КОМИССАР. Откуда он тут?

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Странно, мне казалось, мы здесь всё облазали...

СТАРИК. Так было запланировано на случай ядерной атаки. Во время холодной войны не понадобился. А теперь придется в самый раз. Температура там около нуля, думаю.

КОМИССАР. Тащите трупы в морг. И сваливаем.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ (*хватает КОМИССАРА за грудки*). Ты втравил нас в эту игру! Из-за твоей дури погиб Васька! И ты первый дезертируешь, сука-Петрович? Слышал такое слово: месть?

КОМИССАР (*взрывается*). Ты чё, совсем ослеп? Они же нас в мышеловку загоняют. Они же нас отсюда живыми не выпустят.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. По-твоему, они оставят нас в покое, если мы выйдем из игры?

ВТОРОЙ БОЕЦ (*встревает в стычку*). Мужики, нужно держаться вместе! Вы чё, мужики?!

МЕДСЕСТРА (*пытается разнять мужчин*). Слушайте, слушайте старшего по званию!

У Андрея Петровича всегда есть план.

КОМИССАР. Ну, хоть кто-то... (*Освобождаясь от ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТА, громко.*) Товарищи бойцы, отступаем! (*Шёпотом, своим бойцам.*) Временно! Вернёмся утром с подкреплением.

МЕДСЕСТРА. Правильный приказ!

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Как вы мне все дороги!

РЕКОНСТРУКТОРЫ поднимают тело погибшего бойца. ЦЕНТУРИОН молчит.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Стоять! Я не понял. Игра только началась.

КОМИССАР. Совсем с ума взбесились?

ЦЕНТУРИОН. Я не понял – кто у нас командует легионом?

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Командуешь? Тогда командуй, а не спи.

ЦЕНТУРИОН некоторое время молчит.

ЦЕНТУРИОН (*резко*). Уговор – дороже денег. И игра есть игра!

КОМИССАР. Я сказал – игра окончена.

ЦЕНТУРИОН. Уговор – дороже денег. (*Трясёт смартфоном.*) Иначе твой исполком оборжётся у мониторов. Что, комиссар, увидел первую кровь и навалил в штаны? Да, это тебе не парадаха пузо надувать. Это тебе не всенародные гуляния с песнями, плясками да шашлыками устраивать на могилах предков. Это не пиротехническое шоу с поэтизацией мужества комиссаров и политруков, руки которых по локти в крови. Тут по-настоящему воевать надо.

МОЛЧАНИЕ. КОМИССАР тяжело дышит.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Забздел, ой, забздел товарищ полковой комиссар...

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Ну чё, Петрович, на зимние квартиры?

МЕДСЕСТРА. Андрей Петрович, какой план наших действий?

КОМИССАР (*взорвался*). Ну, нарвался ты, Центуриончик! Старик, где морг?

СТАРИК. Пойдём, покажу, сами не найдете.

ЦЕНТУРИОН. Отнесём трупы и – на полосу препятствий.

СТАРИК пытается подойти к красноармейцам.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Эй, дед! Десять шагов назад!

ЦЕНТУРИОН. Старик, тебя в игру не звали. (*Отталкивает СТАРИКА.*)

СТАРУХА. Держитесь подальше от колючей проволоки, она под напряжением.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Спасибо, что напомнили. Но мы – под землю, в туннели.

СТАРИК. В туннели?

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. В туннели. (*Смотрит в глаза СТАРИКУ.*) Ты что-то имеешь против, старик?

СТАРИК (*тихо*). В туннели, значит... Несите за мной. (*Выходит.*)

ЛЕГИОНЕРША. Мне совсем перестала нравиться эта игра.

ЦЕНТУРИОН. А мне она всё больше нравится. (*Обнимает ЛЕГИОНЕРШУ, на ухо.*) Ты себе не представляешь, какие сюрпризы их ожидают в туннелях. Ну чего ты куksiшься? Что за настрой? Ты же кайфовала, когда мочили на перегонах биомусор. Тут будет еще интересней, обещаю. Испытаешь супер-кайф.

ЛЕГИОНЕРША. Те не сопротивлялись.

ЦЕНТУРИОН. И эти скоро перестанут трепыхаться. (*ВТОРОМУ ЛЕГИОНЕРУ*). Помоги...

Дед, ты где, не так шустро...

ЛЕГИОНЕРЫ уносят своего погибшего.

КОМИССАР (*ВТОРОМУ БОЙЦУ, тихо*). Бяшенька, дружок, бегом к танку, захвати побольше батарей и несколько ракет.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Что, серьёзно?

КОМИССАР. Серьёзно, серьёзно. Покажем говнюкам кузькину мать. Устроим им салют победы с последующим отпеванием.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Ох, люблю я это, Петрович, ох, люблю.

КОМИССАР. Вот бы еще стариковский Макаров! Куда пистолет пропал? Какая-то темная история. Будет им полоса препятствий! Тягаться со мной вздумали. (*Уходит.*)

ВТОРОЙ БОЕЦ. Устрою им пиротехническое шоу! Зря, что ли, везу с собой столько контрабанды?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ (*над телом*). Прости, Васька. Отгребут они за тебя по полной.

МЕДСЕСТРА. Мальчики, почему он назвал меня дурой? Что я такого сказала? (*Убегает в слезах.*)

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Вот уж мне эта любовь-морковь...

ВТОРОЙ БОЕЦ. Я чего-то не понимаю?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Что ты вообще понимаешь, Бяша? Поднимай, огнемётчик...

(*Склоняется над трупом.*)

СТАРИК неожиданно возвращается, закрывает за собой дверь.

СТАРИК (*вполголоса*). Товарищи солдаты, слушать меня внимательно!

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ (*психанул*). Какой я тебе солдат-товарищ? Я – простой работяга.

Хороший, между прочим, работяга: фрезеровщик пятого разряда. И еще – рыбак.

ВТОРОЙ БОЕЦ. Рыбак, правда, хреновый.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Бяша, заткнись! Нашёл время! Над трупом!

ВТОРОЙ БОЕЦ. Прости, Васька! Отгребут уроды за тебя по-полной, я им...

СТАРИК (*перебивает*). Туннели – хоть и бывший, но военный объект. Если хотите остаться живых...

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ (*резко прерывает*). Проснулся! Заботливый наш! Мать Тереза! Молчи уж, советчик, без тебя разберёмся...

ВТОРОЙ БОЕЦ. Старый, ты не с нами – мы не с тобой! Уйди с дороги. *(Соратникам.)*

Поднимаем Ваську... Аккуратно!

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Дал бы лучше автомат.

СТАРИК. По уставу, часовой...

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ *(машиет рукой)*. Да что с тобой говорить...

СТАРИК. Послушайте, товарищи...

ВТОРОЙ БОЕЦ. Тамбовский волк тебе товарищ. *(Взрывается)*. Пенсионер должен сидеть дома с грелкой у телевизора!

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. В самом деле, уйди с дороги, дед. Без тебя разберёмся.

СТАРИК. Сколько тебе лет?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Какая разница?..

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР *(заглядывает в окно)*. Эй, Сусанин, ты куда делся? Показывай дорогу.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ *(СТАРИКУ)*. Ну, допустим, сорок семь... *(ВТОРОМУ БОЙЦУ)*. Тащим, пиротехник. *(Поднимают погибшего.)* А тяжелый Васька!

СТАРУХА одна. Проверяет содержимое своих карманов. Отпивает «кока-колы», морщится. С опаской изучает содержимое гамбургера, откусывает, откладывает в сторону.

СТАРУХА. Вредная пища в моём возрасте.

Входит СТАРИК.

СТАРУХА. Не испортятся?

СТАРИК. Там нулевая температура.

СТАРУХА. Всё нормально?

СТАРИК. Скоро узнаем.

СТАРИКИ садятся и смотрят в окно. МОЛЧАНИЕ.

СТАРИК. Знаешь, сколько этому немцу лет?

СТАРУХА. Больше тебе не о чем думать? Какое мне дело до него?

СТАРИК *(помолчав)*. Сорок семь... Ровесник нашему обалдую.

МОЛЧАНИЕ.

СТАРУХА. Интересно, что он сейчас делает?

СТАРИК. «Чернила» пьёт, что ему ещё делать... Хорошо, если один... Хорошо, если бомжей в дом не приволок... Пропьют мою всемирку по томам.

СТАРУХА. Пьёт в пять утра?

СТАРИК. Какая ему разница, когда пить?.. Столько лет по букинистам собирал.

МОЛЧАНИЕ.

СТАРУХА. Хочешь, я письмо от внучек почитаю?

СТАРИК. Письмо? Как оно сюда пришло?

СТАРУХА. Я старое почитаю, я с собой все их письма взяла.

СТАРИК. Зачем? Ты их и без того наизусть знаешь.

СТАРУХА. Ну, всё-таки... Почитать?

СТАРИК. Потом.

МОЛЧАНИЕ.

СТАРУХА. Красивые у нас внушки.

СТАРИК. Красивые.

МОЛЧАНИЕ.

СТАРУХА. Это от того, что по любви делались.

СТАРИК. Что?

СТАРУХА. Я говорю, что красивые дети получаются только по любви... Он ведь очень любил жену... И сам был хорош по молодости.

СТАРИК. По любви...

МОЛЧАНИЕ.

СТАРИК. Помнишь – давно было – ты нашла у меня фотографию одной девушки в купальнике и долго допытывалась, кто она. До истерик доходило.

СТАРУХА. Нашел о чём вспоминать! Жизнь прошла.

СТАРИК. Дело еще в военном училище было, до тебя.

СТАРУХА. Не нужны мне подробности твоей бурной молодости.

СТАРИК. Я за ней два года ухаживал.

СТАРУХА. А за мной – два месяца. И что из того?

СТАРИК. Я её очень любил.

СТАРУХА. И это теперь не важно.

СТАРИК. Однажды она мне сказала: Ваня, а ты ведь не умеешь любить...

СТАРУХА. Зачем ты мне это рассказываешь?

СТАРИК. Может быть, она была права?.. Недолюбил я его...

МОЛЧАНИЕ.

СТАРУХА (*резко*). Дура она, вот и весь сказ. И прекрати себя казнить.

Слышны разрывы петард, треск фейерверка, шипение ракет, потом – мощный взрыв. ТИШИНА. В окно пробиваются первые лучи солнца.

СТАРИК (*без эмоций*). Солнце встаёт.

СЦЕНА 10

Оставшиеся в живых втаскивают на комиссарской плащ-палатке раненную ЛЕГИОНЕРШУ.

ЦЕНТУРИОН. Марго, Маргоша, держись. Не закрывай глаза, не закрывай глаза, разговаривай со мной, отвечай мне! Где у тебя болит?

СТАРИК наклоняется, пряча лицо в ладони... Через несколько секунд выпрямляется, на лице – никаких эмоций.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР (*зло*). Оставь её в покое. Что ты её трясёшь, как грушу? У неё все кишки наружу вывалятся.

ЦЕНТУРИОН (*очень возбуждённо*). А что делать, что делать? Я видел в кино – раненному нельзя дать замолчать и закрыть глаза. Он должен разговаривать, чтобы не умереть.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Что она ответит, если она без сознания и из неё ведро крови вылилось?

ЦЕНТУРИОН. Но она же дышит, она же дышит!

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Пока дышит.

КОМИССАР. Пока, кажется, дышит.

ЦЕНТУРИОН. Что ты сказал, что ты сказал, урод? Она будет жить, будет жить! Марго, Марго, Маргоша.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ (*отходит в сторону*). Совсем рассиропился. Центурион, бл...дъ, сопливый.

МЕДСЕСТРА. Какая я дура, какая я дура...

КОМИССАР. Все это знают, перестань причитать.

МЕДСЕСТРА (*в истерике*). Это они, они убили Бяшу! Я видела, видела! Где вы были?!

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Уйми свою бабу, комиссар.

КОМИССАР. Ты слышишь, что она говорит?

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР (*с напором*). Ничего она не видела. Не могла видеть.

ЦЕНТУРИОН. Это вы, уроды, всё подстроили! Вы приволокли эту ёб...ную пиротехнику в туннель. Это же туннель, дебилы! Как там можно ракеты запускать?!

КОМИССАР (*преувеличенно бодро*). Тот, кто их принёс – уже на том свете. Поплатился за свою тупость. Ему никто не приказывал. Сам придумал – сам и сгорел. Жертва собственного идиотизма. Он у нас был того... Слегка двинутый... на пиротехнике. Тормозов не имел.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Комиссар, я не понял...

КОМИССАР (*кричит*). Молчать! Всем молчать! Больше ни слова и ни шагу без моего приказа! Никакого самоуправства! Всё только по уставу! Распоясались тут! Кто что хочет, тот и делает! Одному вздумалось в Заслонова поиграть, второй похлеще чего придумает! В процентном отношении наши потери уже превысили потери немцев под Сталинградом. Вы тут все подохнуть хотите? Больше – никакой самодеятельности! (*Становится нос к носу перед ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТОМ.*) Вы меня поняли, господин обер-лейтенант Коцюбинский? ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Я-то понял...

МЕДСЕСТРА (*перебивает*). Не спорьте с товарищем комиссаром, он знает, что делать.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Всё морковь, всё любовь, значит? Ну-ну...

КОМИССАР (*вполголоса*). Заговариваем им зубы. И думаем, думаем, что делать!

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР (*рассудительно*). С вашим-то придурком всё ясно. Я другого не понял? – Откуда в туннеле минные заграждения? Откуда там растяжки? Кто нашего на тот свет отправил? Из-за кого Марго тут канает? (*Закрывает дверь на замок.*)

ЦЕНТУРИОН (*поднимается, берётся за нож*). Действительно... (*ТРЕТЬЕМУ ЛЕГИОНЕРУ.*) Хотя у тебя голова еще соображает. Я вас за Марго – на салат покрошу, уроды ряженные, совки недорезанные...

МЕДСЕСТРА. Мальчики, нас больше, мальчики, нас больше...

СТАРИК. Убрали ножи!

Все смотрят на СТАРИКА. ЦЕНТУРИОН, поколебавшись, прячет нож.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Кто тут командует? Ты или этот старпёр.

ЦЕНТУРИОН. В центурионы метишь? Вперед, на амбразуры!

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР делает шаг вперед. СТАРИК приподнимает дуло ППШ.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Ну, полковник!

СТАРИК медлит.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Сдулся ветеран.

МЕДСЕСТРА. Мальчики, нас больше, мальчики, нас больше...

КОМИССАР. Ну и дура!

МЕДСЕСТРА. Ничего не бойтесь, ничего не бойтесь...

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Да заткнись ты уже. (*КОМИССАРУ.*) Довоевался, Рокоссовский? Какой следующий план наступления?

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Хотелось бы услышать внятный ответ на мой вопрос: откуда в туннелях растяжки? (*Поднимает нож.*)

КОМИССАР неожиданно бьёт СТАРИКА сапогом в грудь и выхватывает у того автомат. ЛЕГИОНЕРЫ пятаются.

СТАРУХА. Ванечка, тебе больно? Поднимайся, поднимайся, вредно лежать на холодном полу.

КОМИССАР (*восстанавливая дыхание*). Значит так, щенки недоношенные! Во-первых, достаём телефоны... Достаём, достаём, дружнее... (*Показывает на ЛЕГИОНЕРШУ.*) И у неё поищите. Смелее, смелее... Ничего, что в крови... Больше он ей не понадобится... Теперь кладите вот сюда, на пол... Красивые какие... Дорогие... Отошли на три шага назад... (*С остервенением топчет сапогами смартфоны.*) Вот так-то лучше будет, так будет лучше...

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Всё. Уходим.

КОМИССАР. Тебе слово не давали, Коцюбинский.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Опять раскомандовался?

МЕДСЕСТРА. Не надо ссориться. Андрей Петрович знает, что делать. Он прирожденный руководитель, у него есть план.

ЛЕГИОНЕРША (*очнулась*). Больно, больно-то как... Я чувствовала, я знала...

ЦЕНТУРИОН (*покрывает лицо ЛЕГИОНЕРШИ поцелуями*). Маргоша, не умирай... Я тебя люблю, кошечка моя... Не плачь, маленькая, кишки вываливаются...

МЕДСЕСТРА. Я ничем не могу ей помочь, бедненькой.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Ага, всё идёт по плану, я вижу. Четыре трупа пишем, один в уме.

ЦЕНТУРИОН. Ты чё сказал, урод? *(Вскакивает, но его удерживает ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР.)*

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Остынь.

ЦЕНТУРИОН. Я вас, уродов, за Марго буду убивать. *(КОМИССАРУ.)* А тебя, морда толстая, буду особенно долго резать – по маленькому кусочку буду отрезать. И собакам скармливать. Ты еще позавидуешь тем бомзам, которым мы башку проломили.

КОМИССАР. Какой смельчак! А ну, на колени! Резать он меня будет! Молитесь перед смертью.

ЛЕГИОНЕРША. Не смей нас трогать... *(Из последних сил бросает нож в сторону КОМИССАРА. Нож нелепо падает на пол.)*

КОМИССАР. Недолёт.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Петрович, у тебя голова работает вообще? Чё творишь?

МЕДСЕСТРА *(тихо)*. Андрей Петрович, вы это понарошку, Андрей Петрович?

КОМИССАР. Когда ты уже угомонишься? *(ЛЕГИОНЕРАМ.)* Помолились? Жаль, нет рядом батюшки. А комиссары, как известно, грехи отпускают весьма своеобразным способом. На колени не станете? – Гордые? Ну, как знаете. Увы, вся кинотехника погибла, заснять вашу героическую смерть невозможно. *(КОМИССАР направляет ствол автомата на ЛЕГИОНЕРОВ.)* Встретимся на том свете.

Начинается невообразимая сцена.

СТАРИК *(встаёт и делает движение в сторону КОМИССАРА)*. Не смей!

СТАРУХА *(бросается на пол и хватается СТАРИКА за ноги)*. Не пушу!

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ *(хватает за плечи КОМИССАРА)*. Ах ты, сучий потрох!

МЕДСЕСТРА *(виснет на ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТЕ)*. Андрей Петрович, сзади!

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР *(пинает ногой ЦЕНТУРИОНА)*. Не спи, замёрзнешь! *(Бросается в гущу событий, хватается за ППШ.)*

ЦЕНТУРИОН. Мочи уродов! *(Кидается на подмогу.)*

После короткого рукопашного боя автомат оказывается в руках ТРЕТЬЕГО ЛЕГИОНЕРА.

ЛЕГИОНЕРША. Убейте, расстреляйте этих животных...

ЦЕНТУРИОН. Маргошечка, крошечка моя, тебе сейчас нельзя напрягаться, кишки вываливаются. Побереги силы, помолчи, мы знаем, что делать. Отсюда они живыми не выйдут. *(Завыл.)* Как меня всё это зае...ло...

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР *(взорвался)*. А меня как зае...ло! *(Отхлёбывает кока-колы.)*

ЦЕНТУРИОН *(истерично)*. Заканчивай эту волокиту!

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР *(откусывает гамбургер)*. Мы всё будем делать чисто и качественно, как записано в уставе нашего легиона.

ЦЕНТУРИОН. Как ты меня достал!

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР *(срывается на крик)*. А как ты меня достал! Чего ты воешь тут? Забыл, как смерть выглядит?

ЦЕНТУРИОН. Нужно спасать Маргошу!

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Спасёшь тут! Нечего было таскать её за собой. Это – мужские игры.

ЦЕНТУРИОН. Я тебя убью, сволочь.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР *(отталкивает ЦЕНТУРИОНА)*. Сначала сопли подотри, Македонский. *(Резко оборачивается к БОЙЦАМ.)* Прощаться перед смертью будете?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ *(едва не плачет)*. Нет, всё-таки есть на земле проклятые места. Зачем я перебрался в эту страну! Зачем я не поехал вчера на рыбалку! Всё из-за тебя, сука-Петрович, вояка хренов! Автомат удержать не может! *(Зло.)* Но за Бяшу ты мне на том свете, подлец, ответишь. Лично в ад попрошусь, чтобы тебя там разыскать – петарду в жопу засунуть за Бяшу.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Какие еще пожелания?.. Или последнее слово?.. Ну, тогда...

(Направляет ствол на РЕКОНСТРУКТОРОВ.)

МЕДСЕСТРА. Андрей Петрович! Андрюша! Я вас люблю, я тебя так люблю!

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Здрасьте!

КОМИССАР. Слушай, Наташка, иди ты на х...й! Нашла время.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Настоящий Ромео.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Пора заканчивать этот спектакль.

СТАРУХА. Не позволю! *(Бросается в гуцу событий, но СТАРИК преграждает дорогу.)*

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. А вот на стариков и бомжей патроны не предусмотрены. Ты, дедуля, пока постой в сторонке, дойдёт очередь и до тебя...

ЛЕГИОНЕРША. Стреляй!

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР *(нажимает на курок, но автомат молчит.)* Заело что-то... *(Трясёт ППШ, передёргивает затвор, снова нажимает на курок – автомат не стреляет.)*

ЦЕНТУРИОН. Что за хрень?

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. А я откуда знаю? *(Снимает диск, изучает содержимое.)* Патроны кончились.

БОЛЬШАЯ ПАУЗА. *Головы всех присутствующих постепенно поворачиваются в сторону СТАРИКА.*

КОМИССАР. Ах ты, мудака старый ...

ЦЕНТУРИОН. Так это выходит, что...

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Ёптыбля! Похоже, еще не всё потеряно...

МЕДСЕСТРА. Мамочки... Так это что получается?.. Андрей Петрович!

КОМИССАР. Да помолчи ты, дай мысли до кучи собрать.

ЛЕГИОНЕРША. Почему так тихо? Я уже умерла?

ЦЕНТУРИОН. Марго, ты не умрёшь, я тебе не позволю. *(Склоняется над ЛЕГИОНЕРШЕЙ.)*

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Но кое-кто прямо сейчас отправиться к предкам. Преждевременно, но вполне заслужено.

КОМИССАР. Столько времени под прицелом, а в автомате – шиш...

МЕДСЕСТРА. Там патронов не было, я правильно поняла?

КОМИССАР. Коцюбинский, ответь ей, а то я как отвечу!

МЕДСЕСТРА. Да поняла я, поняла. Что я, дура тупая? *(Расплакалась.)*

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Нет, конечно. Кто такое говорит, Наталка?

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Да... Железные у тебя нервы, старик. Вот что значит, сталинская закваска.

СТАРИК. Прошу оставить Сталина в покое, это во-первых. А во – вторых, я при Малиновском и Гречко служил.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Не знаю таких. Это кто – соратники Суворова?

КОМИССАР. Здравствуй, племя молодое, незнакомое...

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Мы с тобой потом отдельно побеседуем, пухляк. Пока помолчи там в углу. *(Поворачивается к СТАРИКУ.)* Боишься?

СТАРИК. Нет.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. А я приказал тебе бояться. Ох, упрямые вы, старики, твёрдоёбнутые. И за жизнь-то как цепляетесь! Сколько тебе лет? По виду лет 100.

СТАРУХА. Неправда, он всегда выглядел моложе своих лет. Ему всего 80.

СТАРИК. Помолчи.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Интересно, в 80 лет страшнее умирать, чем в 100?

СТАРИК. Что ты знаешь про смерть, мальчик?

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Я? *(Рассмеялся.)* Всё! *(Резко обрывает смех.)* Сколько народу ты отправил на тот свет, старик?

СТАРИК. Не считал. Ракетчик – не снайпер.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Значит, не знаешь. Ракету пустил – и дело с концом. Да, это не рукопашный бой. А хочешь знать, сколько бомжей я вот этими руками...

СТАРИК. Не хочу.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. А я всё-таки скажу. На ушко. Не люблю публичности и дешёвой славы. *(Наклоняется на ухо к СТАРИКУ, шепчет.)*

СТАРИК. Ты – грязный убийца. Вы – хуже фашистов.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Только без лирики, только без старомодной лирики! Я – чистильщик. Я очищаю землю от таких, как вы... И если бы ты нам тогда не помешал, была бы очень круглая цифра. Впрочем, зачем я повторяюсь? Говорить с тобой – что с глухим. Будем заканчивать?

СТАРИК. Попробуй.

СТАРУХА. Ты говорил, что это твой знакомый. Почему он тебе угрожает?

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Что, бабулька, зажила на этом свете?

СТАРУХА. Ваня, кто это?

СТАРИК. Убийца.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Ой, ой, как грубо! Слушай сюда, бабка. Я – ассенизатор. Убираю дерьмо. Очищаю страну от бомжей, алкашей и прочего биомусора. Как же вы, старики, засрали эту землю! Как мозги наши засрали! Оставьте нас в покое, новое поколение само разберётся, как жить и что делать. Так нет, вы цепляетесь за жизнь, вы пердите и пердите, отравляя воздух. Когда вы все передохните? Как же я вас ненавижу!

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ *(тихо)*. Что делать будем? Надо спасти деда.

КОМИССАР. Это не наше дело, сиди, пока цел.

За окном слышен нарастающий гул моторов.

ЦЕНТУРИОН. Маргоша, слышишь, legion подтягивается. Наши едут, слышишь?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Добзделся, Комиссар?

МЕДСЕСТРА. Андрей Петрович, вы же предусмотрели такое развитие событий? Андрей Петрович, чего вы молчите?

ЦЕНТУРИОН. Маргоша, сейчас мы отвезём тебя в больницу.

ЛЕГИОНЕРША. Мне трудно дышать... Я ничего не вижу... Мама, мамочка, мне больно...

ЦЕНТУРИОН. Марго, Марго, Марго!!! Не закрывай глаза, не закрывай глаза! *(ТРЕТЬЕМУ ЛЕГИОНЕРУ.)* Да кончай ты с этими уродами! *(Орёт.)* Не-на-ви-жууу!!!

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Не хочу нож марать об этих животных. Жаль, молотка нет. *(Поднимает кусок битого кирпича, направляется к СТАРИКАМ.)*

СТАРУХА быстро достаёт из кармана пистолет Макарова.

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР. Ну, бабка, даёшь!

ТРЕТИЙ ЛЕГИОНЕР замахивается, СТАРУХА стреляет – один или несколько раз. Сколько именно – зависит от того, использует ли постановщик бонус – Эпилог.

БОНУС-ЭПИЛОГ

Звучит «Марш советских ракетчиков»:

*Мы друзьям своим - защита:
Будет разом цель накрыта,
Если враг нас только тронуть
Попытается!
Против чёрной силы вражьей
Днем и ночью мы на страже, –
Это всё, что знать о нас вам
Разрешается.
Припев:*

*Мы - ракетные войска,
 Нам любая цель близка!
 Наши меткие ракеты,
 Наши мощные ракеты,
 Безотказные ракеты
 Грозно смотрят в облака.*

СЛЕДОВАТЕЛЬ выключает магнитофон. За окнами мелькают проблесковые маячки милицеских машин и скорой помощи. За столом сидят: **СТАРИК, СТАРУХА, МЕДСЕСТРА, ЦЕНТУРИОН, КОМИССАР** с перебинтованной головой и **ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ**, всё ещё слегка зеленый.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Забавный репертуарчик. А ситуация еще забавней. Что-то не складывается у меня в голове цельная картинка прошедшей ночи. Слишком много трупов. И все так разнообразно, я бы даже сказал, со вкусом искалечены.

КОМИССАР. Мы ни в чём не виноваты. Лишь драматическое стечение обстоятельств тому виной.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ага... Один толи сорвался с веревки, толи задушен этой самой веревкой. Второго словно асфальтовым катком переехало. Третьего, похоже, из доменной печи вынули. Четвёртого по пакетикам разложили. Пятый, по вашему утверждению, сам застрелился, причём, как показала предварительная экспертиза, сделал это несколько раз подряд. Пятый, вернее, пятая...

ЦЕНТУРИОН. Марго умерла?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Пока не знаю. Врачи борются, делают всё возможное. Что вы меня спрашиваете? Сами видели: внутренности понесли отдельно от тела.

ЦЕНТУРИОН. Маргоша...

МЕДСЕСТРА. Простите нас, это была всего лишь игра.

КОМИССАР пинает её ногой под столом.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы что-то хотели сказать, Андрей... *(Смотрит в протокол.)*

КОМИССАР. Петрович. Работаю заместителем начальника в управлении...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да, да, я помню, где вы работаете, Андрей Петрович. Только это сейчас не имеет значения. Перед законом у нас все равны.

КОМИССАР. Конечно, конечно, я уверен, что правоохранительные органы разберутся. У нас в стране демократия.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А демократия-то тут причём?

КОМИССАР. Так, к слову пришлось.

МЕДСЕСТРА. А что, об этом нельзя говорить вслух? Это какой-то секрет?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да на здоровье, если вас это бодрит. А почему голова забинтована?

КОМИССАР. Тут очень травмоопасная зона.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Это я уже понял.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Это ему несколько приветов с того света пришло – от Васи и Бяши. За нарушение правил игры.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вася это кто?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Это который из-под катка, как вы выразились.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А Бяша?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Который... из доменной печи, чтобы вам понятней было.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Понятней не стало... А почему Бяша?

КОМИССАР. У него фамилия Баранов.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И что?

КОМИССАР. Потому и Бяша.

МЕДСЕСТРА. Это же барану понятно. *(КОМИССАР толкает её ногой под столом.)* Что не так я сказала?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Так, еще раз! Вы утверждаете, что это была всего лишь игра?
ВСЕ, кроме СТАРИКОВ (*одновременно*). Да!!!

Пауза. СЛЕДОВАТЕЛЬ щелкает ручкой.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Я, собственно, собирался на рыбалку, но что-то пошло не так. Если можно, ничего не сообщайте на работу и – прошу особенно – моей жене.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Почему вы так одеты?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Все говорят, что мне идет немецкая форма. Форма носа – арийская, комплекция подходящая. Меня даже во Францию приглашали на высадку союзников. Хотя к немцам я не питаю уважения.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы всегда ходите в фашистской военной форме на рыбалку?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Нет, на рыбалку я хожу в чём попало, но в Брестской крепости немецкая форма уместнее.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы собирались в этой форме по Брестской крепости прогуляться?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Ну, почему только по крепости? Мне улица Советская, например, очень нравится. И брестское пиво.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы – идиот?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Нет, я не идиот.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Тогда кто?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Коцюбинский, такая фамилия.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Откуда вы такой взялись?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. А что вы против хохлов имеете?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы еще и хох... То есть, украинец?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Да, но давно имею белорусскую прописку, жену-белоруску и троих детей, тоже белорусов. И завтра утром мне нужно быть на работе.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Умеете вы, хох... украинцы всё запутать... Зайдём с другого конца... (*Очень напористо МЕДСЕСТРЕ.*) Отвечайте быстро и без запинки: зачем в вашей игре медсестра?

МЕДСЕСТРА (*растерялась*). Что за вопрос?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Здесь я задаю вопросы! Зачем в этой игре медсестра?

МЕДСЕСТРА. Чтобы выносить раненных с поля боя.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Значит, вы заранее предполагали, что будут раненные?

МЕДСЕСТРА. Конечно, всегда есть погибшие и раненные.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И много?

МЕДСЕСТРА. Как когда. Это заранее согласовывается и оговаривается.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы заранее оговаривали количество жертв?

МЕДСЕСТРА. А как же иначе? В противном случае будет полная неразбериха. Противники начнут убивать друг друга без всякого разбора. Всё должно быть просчитано.

КОМИССАР. Позвольте, я объясню.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Когда спросят, тогда и объясните.

КОМИССАР. Но я лучше в этом разбираюсь. Можно сказать, я организатор...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Организатор этого побоища?

КОМИССАР. Вы про какое побоище говорите?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Про то, какое вы тут устроили.

КОМИССАР. Ах, вот оно что! Вы меня не так поняли, я про другое побоище.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Есть еще и другое побоище? Как я погляжу, дело поставлено на поток!

КОМИССАР. Мы занимаемся реконструкциями.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Похоже, мы коллеги – я тоже занимаюсь реконструкциями: пытаюсь реконструировать ход событий, приведший к столь плачевным последствиям.

МЕДСЕСТРА. Вы не можете понять...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Куда уж мне!

МЕДСЕСТРА. Всё очень просто.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да-да, я всё больше в этом убеждаюсь.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Мы ехали совсем на другую операцию.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Значит, всё-таки, это была не игра, а операция?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Конечно, мы всегда на операцию надеваем военную форму.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Чтобы вас никто не узнал?

МЕДСЕСТРА. Почему, нас многие знают. Даже в Берлине.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Основательно вы развернулись.

МЕДСЕСТРА. Мы свои лица не прячем.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вот как? (*Напяливает на голову ЦЕНТУРИОНА балаклаву.*) А это что тогда?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Этот к нам никакого отношения не имеет. Он примазался.

КОМИССАР. Он из другой организации.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Сколько ж у вас тут собралось организаций! И все до зубов военизированные! Танки, квадроциклы, «Запорожец», наверняка боевой, раз в лобовое столкновение пошел с танком, боевые ножи, охотничьи ружья, пистолеты, автоматы!

КОМИССАР. Всего один автомат.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Зато сколько на нём отпечатков пальцев! Криминалисты со счёту сбились.

Есть тут хоть один, который из него не стрелял?

МЕДСЕСТРА. Я, кажется, не стреляла. (*Получает пинок ногой от КОМИССАРА.*) Или стреляла? – Как Андрей Петрович скажет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. (*ЦЕНТУРИОНУ.*) И как ваша организация называется? (*ЦЕНТУРИОН молчит.*) Наверняка, какая-нибудь, очень тайная?

СТАРУХА. Легион какой-то. Так называется.

СЛЕДОВАТЕЛЬ подсказывает.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Легион? Какой легион? Какого цвета?

СТАРИК (*СТАРУХЕ*). Молчи.

СТАРУХА. Хватит мне рот затыкать.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*в возбуждении*). Ну, какой легион?

СТАРИК. Прошу тебя, молчи.

СТАРУХА. Пусть милиция знает правду. Она разберётся.

ЦЕНТУРИОН (*очень тихо*). Это те самые, которые разберутся...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Какой легион?

СТАРУХА. «Чистый легион»!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Чистый? Может, всё-таки, цветной? Вы уверены?

СТАРУХА. Абсолютно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*срывает балаклаву с головы ЦЕНТУРИОНА*). Значит, чистый, говоришь?

ЦЕНТУРИОН. Чистый, как белый лист бумаги.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Белый, говоришь... лист...

СТАРУХА. А еще он – убийца.

СТАРИК. Кто тебя за язык тянет?

СТАРУХА. Ты же мне сам сказал. Пусть и милиция знает, я ей всегда доверяла.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*СТАРУХЕ*). Значит, вы утверждаете, что он – виновник случившихся здесь убийств?

СТАРУХА. С чего это вы взяли?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы же только что сказали, что он – убийца. Или вы берёте свои слова обратно?

СТАРИК. Она никогда не берёт свои слова обратно.

СТАРУХА. Я никогда не беру... (*СТАРИКУ.*) Не может удержаться, чтобы не подколоть меня, да?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Потом будете ругаться. Этот человек – убийца?

СТАРУХА. Да, я же сказала.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Чем он их убивал?

СТАРУХА. Кого?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что вы из меня дурака делаете? Сколько человек он убил?

СТАРУХА. Понятия не имею.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Так... *(Сам себе.)* Спокойней... *(СТАРУХЕ.)* Он вообще, кого-нибудь убивал?

СТАРУХА. Наверное, раз он – убийца.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А с чего вы взяли, что он – убийца?

СТАРУХА. Муж сказал.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Следовательно, ваш муж что-то видел.

СТАРУХА. Какое-то время он ничего не видел.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Как это понимать?

СТАРУХА. Без очков он обычно ничего не видит. У него близорукость, минус 6 диоптрий.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Это тут причем?

КОМИССАР. Позвольте, я объясню.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Про убийства?

КОМИССАР. Про очки.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что вы прицепились к этим очкам, причем здесь очки?

КОМИССАР. Потому что они были у него на лбу. Я гарантирую.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И что из того?

КОМИССАР. Я очень долго на них смотрел, волновался, что он их обнаружит раньше времени.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы все из психушки?

КОМИССАР. Клянусь, я говорю вам истинную правду.

МЕДСЕСТРА. Андрей Петрович очень достойный человек и никогда не врёт.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Я не согласен.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. С чем?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. С тем, что он достойный и никогда не врёт.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Значит, вы утверждаете, что он врёт?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. До вчерашнего дня я, как все, думал, что не врёт. Оказалось, что еще как врёт!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Значит, очки были не на лбу?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Причём здесь очки? Я совсем о другом.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. О чём?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ *(смотрит на КОМИССАРА)*. Пусть это останется между нами, мы потом сами разберёмся, я ему Ваську и Бяшу никогда не прощу. *(Неожиданно.)* А разве важно, где были очки?

ПАУЗА. Следователь переводит дух, делая дыхательную гимнастику.

МЕДСЕСТРА. Вы не правильно дышите.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Отстаньте от меня.

МЕДСЕСТРА. Я всё-таки, медсестра. Встаньте прямо, кисти рук сожмите в кулаки и прижмите к животу, на уровне пояса. В момент вдоха резко толкайте кулаки вниз. Затем кисти рук возвращайте в исходное положение. Выше пояса кисти не поднимать. Это упражнение можно делать стоя, сидя и лежа, называется «Погончики».

Пока МЕДСЕСТРА проводит инструктаж, СЛЕДОВАТЕЛЬ всё больше и больше закипает.

СЛЕДОВАТЕЛЬ *(взрывается)*. Какие еще «Погончики»? Прекратите тупую болтовню!

МЕДСЕСТРА. Я же хотела, как лучше. *(Плачет.)* Почему – «тупая болтовня»? Я знаю, я проходила курсы медсестёр.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Всем остальным молчать! (*МЕДСЕСТРЕ.*) Еще раз! Отвечать только «да» или «нет»! Вы направлялись на военную операцию?

МЕДСЕСТРА. Да.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы заранее договорились о числе убитых?

МЕДСЕСТРА. И раненных тоже.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Только да или нет!

МЕДСЕСТРА. Нет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что нет?

МЕДСЕСТРА. Тогда да.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что да?

МЕДСЕСТРА. Да да.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что да да?

МЕДСЕСТРА. Тогда нет нет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что нет нет?

МЕДСЕСТРА. Вы просили отвечать только да или нет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы – медсестра?

МЕДСЕСТРА. Да.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы планировали иметь раненных?

МЕДСЕСТРА. Обычно, это Андрей Петро...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Только да или нет!

МЕДСЕСТРА. Да.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Где медицинская сумка?

МЕДСЕСТРА. Забыла дома.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Пять баллов! Блестящий ответ!

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. У неё месячные.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А у меня – пять трупов!!! И шестой на подходе!!! И если вы будете продолжать отвечать в том же духе – количество трупов увеличится, поскольку я за себя не ручаюсь.

МЕДСЕСТРА. Но ведь это была всего лишь игра.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. В которой трупы складываются штабелями? У кого выше – тот и выиграл?

МЕДСЕСТРА. А-а-а! Вы про эту игру? Вы меня не поняли, я совсем про другую игру. В эту игру мы совсем не собирались играть... (*КОМИССАР пинает её под столом ногой.*) Мы вообще не собирались ни во что играть.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Тогда как вы здесь оказались?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Позвольте, я объясню. Мы просто хотели на танке покататься, покурлесить немного и всё. Ну, выпили немного с Васькой, тем, который из доменной печи, как вы выразились, чтобы понятней было. Отнекиваться не стану, был такой грех. Мы и раньше иногда выпивали, но ГАИ танки не останавливает. Думали, и на этот раз пронесёт.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Итак, вас остановила ГАИ?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Попробовали бы!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Тогда причём здесь ГАИ?

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Да ни причём, просто к слову пришлось.

КОМИССАР. А тут эти приехали на мотоциклах.

ЦЕНТУРИОН. На квадроциклах, дебилы.

КОМИССАР. И стали в нас стрелять.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Пулевые ранения обнаружены только на одном трупе.

МЕДСЕСТРА. Этот гораздо позже застрелился, у него не заладилась игра, а поначалу было совсем понарошку...

КОМИССАР. Правда, мы тогда сильно испугались...

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. В результате я стал весь зелёный. Поэтому и согласился, от обиды.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*орёт*). Молчать, всем молчать!

ПАУЗА.

СТАРУХА. Собственно, примерно так и было...

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*РЕКОНСТРУКТОРАМ*). Так, с вами потом... Может быть, аксакалы нам помогут разобраться? (*СТАРИКУ*). Вы тоже играли?

СТАРИК. Нет, я ни во что не играл.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. В силу возраста?

СТАРУХА. Он у меня еще крепкий мужик – делает зарядку по утрам.

СТАРИК. Какая игра? Я воевал по-настоящему.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Значит, по-настоящему...

ПАУЗА.

ЦЕНТУРИОН. Дед, так это ты...

СТАРУХА (*перебивает*). Это он про Вьетнам. Правда, Ваня, это же ты про Вьетнам говоришь? Ну, чего ты молчишь, чего смотришь на меня, как баран на новые ворота?

Расскажи товарищу прокурору про Вьетнам.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Я не прокурор, я следователь.

СТАРУХА. Да? А очень на прокурора похожи. Ваня, чего ты замолчал? Ты же так любишь рассказывать про Вьетнам. Расскажи, сколько ты американских самолетов подбил. Расскажи, за что тебе орден Красной звезды дали. Про Хошимина расскажи обязательно.

(*СЛЕДОВАТЕЛЮ*.) Мы вчера отмечали день ракетно-зенитных войск Вьетнама.

СТАРИК. Зенитно-ракетных.

СТАРИК. Не придирайся к словам. Про друга своего, лётчика, сбившего одной ракетой американскую эскадрилью, рассказать не забудь.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Похоже, праздник удался.

СТАРУХА. А вообще, он в последнее время заговариваться стал. Это потому что сын пьёт. Иначе бы мы тут не жили...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Час от часу не легче! Вы тут еще и живёте? Жил да был старик со своей старухой... А заявление было, что просто из дому ушли и пропали...

МОЛЧАНИЕ.

СТАРУХА. Так вы нас искали?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Думал – плёвое дело: ну, ушли старики из дому, ну, заблудились в лесу! А тут такие дела!.. Весь следственный комитет подключать нужно.

СТАРИК. Какое заявление, от кого?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Беспокоится кое-кто о вас: по телевизору две недели информация идет, все газеты о вас пишут, на каждом столбе ваши фотографии висят, вся область вас ищет, можно сказать.

СТАРУХА. Говорила тебе – давай хотя бы переносной с собой захватим.

СТАРИК. Что нового хочешь там увидеть?

СТАРУХА. Ну, погоду, например. Про себя посмотрела бы вот.

СТАРИК. Популярности захотелось на старости лет! Вот уж, телезвезда! (*СЛЕДОВАТЕЛЮ*.) Чьё заявление-то?

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*открывает папку, смотрит в бумагу*). Сапегина Олега Ивановича. Знаете такого, наверное?

СТАРУХА. Олежек, мальчик мой... (*СТАРИКУ*.) Поехали, Ванечка, домой. Напартизанились, право...

СТАРИК. «Запорожец» барахлит.

ПАУЗА.

МЕДСЕСТРА. В дыхательной гимнастике есть очень хорошее упражнение, называется «Большой маятник». (*СЛЕДОВАТЕЛЬ в изнеможении опускается на стул*.) Можно и сидя делать... Что вы на меня так смотрите, Андрей Петрович? Опять что-то не то говорю?

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*опустошённо*). И как называлась эта ваша игра?

ЦЕНТУРИОН. «Последний герой».

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Как?

ВСЕ ХОРОМ (*кроме СТАРИКОВ*). «Последний герой».

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И кто победил?

КОМИССАР. Трудно сказать...

ЦЕНТУРИОН. Но тотем, кажется, у старика.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ну, полный...

СЛЕДОВАТЕЛЬ то ли смеётся, то ли плачет. Включается сам собой магнитофон. Звучит «Марш советских ракетчиков».

ИЛЬЕВСКИЙ ТИМОФЕЙ (Иван Крепостной)

Телефон: +375 33 698 99 55

ivan-krepostnoi@rambler.ru

ilyeuski@mail.ru

ilyeuski@gmail.com